

Она – не способ отомстить врагам.
Она – моё спасение.

ПЛЕНЁННАЯ ПРИНЦЕССА

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ AMAZON.COM

СОФИ ЛАРК

Софи Ларк
Пленённая принцесса
Серия «Freedom. От
врагов к возлюбленным.
Бестселлеры Софи Ларк»
Серия «Безжалостное Право
Первородства», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014170
Пленённая принцесса / Софи Ларк ; [перевод с английского А.
Комаревич-Коношенковой].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-185055-5*

Аннотация

Они убили моего отца, поэтому я украл их дочь. Заточил в шикарном особняке, словно птицу в клетке.

Теперь Несса Гриффин – моя пленница. Балерина, которая танцует только для меня.

Она милая и невинная и явно не заслуживает такого отношения. Однако я вырос в мире, полном жестокости, и стал его частью. В моём сердце не осталось места для тёплых чувств.

Я использую Нессу, чтобы воздать врагам по заслугам. Но только если смогу удержаться от искушения отдать своё сердце пленённой принцессе...

Содержание

Мико	7
Несса	28
Мико	40
Несса	55
Мико	64
Несса	68
Мико	77
Несса	84
Мико	94
Несса	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Софи Ларк

Пленённая принцесса

Sophie Lark

Stolen Heir

Copyright © 2020 by Sophie Lark

© Комаревич-Коношенкова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Плей-лист

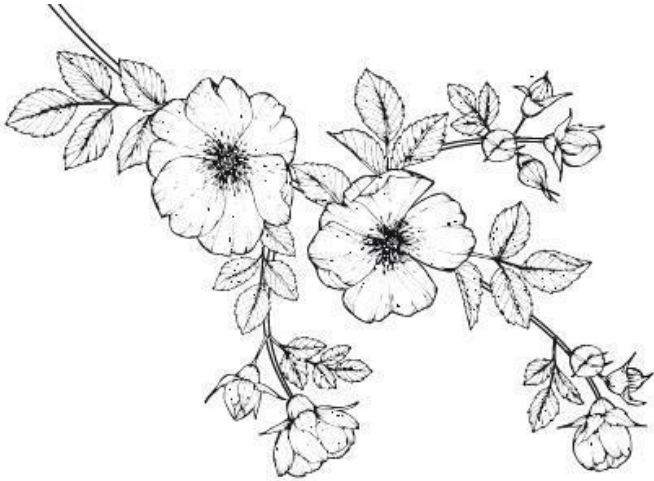
1. Blood In The Cut – K. Flay
2. Someone You Loved – Lewis Capaldi
3. Satin Birds – Abel Korzeniowski
4. Earned It – The Weeknd

5. Company – Tinashe
6. Bad Intentions – Niykee Heaton
7. War of Hearts – Ruelle
8. As Shadows Fall – Peter Gundry
9. Latch (acoustic) – Sam Smith
10. Castle – Halsey
11. Monsters – Ruelle

Мико

Варшава, Польша. Десять лет назад

По пути с работы я останавливаюсь, чтобы купить немного свежих *chruścików* для Анны. «Ангельские крылья», сладости из яйца и сливок, посыпанные сахарной пудрой, оставляют пятна жира на бумажной упаковке. Сегодня сестра сдаст вступительный экзамен в университете, и я знаю наверняка, что нам будет что отпраздновать. Анна великолепна. Я уверен, что она получит высшую оценку.

По нам и не скажешь, что мы близнецы. У нее каштановые волосы, а мои – цвета спелой пшеницы. Она проглатывает любую книгу, что попадает ей в руки, а я бросил школу в четырнадцать.

Не то чтобы у меня был выбор. Кто-то должен оплачивать нашу унылую квартиру.

У нашего отца была хорошая работа на металлургическом заводе «Хута Варшава». Он был техником по ремонту и обслуживанию оборудования и ежемесячно приносил домой почти шесть тысяч злотых. Достаточно, чтобы купить новую обувь и наполнить холодильник.

Пока его не сварили, как лобстера в кастрюле, во время работы в доменной печи. Отец не погиб. Но получил такие тяжелые ожоги, что теперь едва может управляться с кнопками на пульте от телевизора, который смотрит все дни напролет, укрывшись в своей комнате.

Наша мать ушла из семьи. Я слышал, что она вышла замуж за какого-то бухгалтера и переехала в Краков. С тех пор я о ней ничего не знаю.

Но это не важно. Пока я достаточно зарабатываю в продуктовом, чтобы держать нас на плаву. Когда-нибудь Анна станет профессором литературы, и тогда мы купим небольшой домик где-нибудь подальше отсюда.

Мы всю жизнь живем в районе Прага¹, на правом бере-

¹ Прага (польск.) – исторический район Варшавы, расположенный на восточном берегу р. Вислы.

гу реки Вислы. На противоположном берегу расположились процветающие бизнес- и финансовые центры. У нас – трущобы. Высокие прямоугольные грязные кирпичные здания, заслоняющие собой солнце. Пустые фабрики времен коммунизма, составлявшие когда-то центр государственной промышленности, а теперь зияющие разбитыми окнами и закрытые на цепи. Наркоманы вламываются туда, чтобы поспать на горах тряпья и расслабиться.

У нас с Анной будет хорошенький дом с садом, где не будет соседей, которые трахаются и вопят всю ночь напролет.

Сестра должна быть дома не раньше чем через пару часов, поэтому, открывая дверь в нашу квартиру, я никак не ожидаю увидеть на полу ее рюкзак.

Анна чертовски аккуратна. Она ни за что не бросит сумку, раскидав учебники по полу. Некоторые из них грязные и мокрые. То же касается ее обуви, брошенной возле ранца.

В ванной течет вода, что тоже странно – по вечерам Анна не принимает душ.

Я оставляю пакет с хворостом на кухонном столе и бегу в нашу единственную ванную комнату. Стучу в дверь и зову сестру.

Ответа нет.

Тогда я прижимаю ухо к двери и слышу сквозь шум воды ее всхлипы.

Я бью плечом в дверь, слышу, как трескается дешевая древесина, когда замок поддается, и вваливаюсь в крошечную

ванную.

Анна сидит под душем, все еще одетая в школьную форму. Блузка практически сорвана с тела. Тонкая материя облегает лишь руки и талию.

Она вся в порезах и рубцах – на плечах, руках и спине. Вокруг шеи и на груди виднеются темные синяки и даже следы укусов.

Лицо еще хуже. У сестры длинная рана на правой щеке и синяк под глазом. Кровь течет у нее из носа, капает в воду и расплывается, словно акварельная краска.

Анна не может на меня смотреть. Едва подняв взгляд, она тут же, всхлипывая, закрывает лицо руками.

– Кто сделал с тобой это? – дрожащим голосом требую я ответа.

Она сжимает губы и качает головой, не желая отвечать.

Неправда, что близнецы могут читать мысли друг друга. Но я знаю свою сестру. Знаю очень хорошо.

И я знаю, кто сделал это. Я вижу, как они смотрят на нее каждый раз, когда Анна выходит из дома по пути в школу. Как прислоняются к своим дорогим машинам, скрестив руки на груди, не в силах скрыть за солнцезащитными очками взгляды, которые они на нее бросают. Иногда они даже что-то кричат ей, хотя сестра никогда не удостоивает их ответом.

Это дело рук «Братерства»². Польской мафии.

Они думают, что могут иметь все, что захотят – дорогие

² Braterstwo (польск.) – братство.

часы, золотые цепи, телефоны, которые стоят больше моей месячной зарплаты. Похоже, на этот раз они решили, что хотят мою сестру.

Анна не хочет говорить мне, опасаясь того, что последует за ответом.

Я хватаю ее за плечо и заставляю посмотреть на меня. Ее глаза красные, опухшие, испуганные.

– Который из них сделал это? – вырывается из меня яростное шипение. – Тот, что с бритой башкой?

Она колеблется, затем кивает.

– Тот, что с темной бородой?

Снова кивает.

– Тот, что в кожаной куртке?

Ее лицо морщится.

Это их главарь. Я видел, что остальные подчиняются ему. Я видел, что он чаще других смотрит на Анну.

– Я доберусь до них, Анна. Никто не уйдет от расплаты, – обещаю я.

Анна качает головой, тихие слезы катятся по ее разбитому лицу.

– Нет, Мико, – всхлипывает она. – Они убьют тебя.

– Не убьют, если я достану их первым, – мрачно отвечаю я.

Я оставляю ее в ванной и иду в свою комнату. Там я приподнимаю половицу, под которой прячется жестяной ящик. В нем все мои сбережения – деньги, отложенные Анне на университет. Она пропустила экзамен. Она не поступит в

этом году.

Я складываю купюры и засовываю их в карман. Затем выхожу из квартиры и бегу под дождем к ломбарду на улице Бжеской.

Якуб, как всегда, сидит за прилавком, читая книгу в мягком переплете с наполовину оторванной обложкой. Сутулый, лысеющий, в очках с толстыми стеклами и в широкой пластиковой оправе, Якуб моргает, глядя на меня, словно сова, проснувшаяся слишком рано.

– Чем могу помочь, Миколай? – спрашивает он скрипучим голосом.

– Мне нужен пистолет, – сообщаю я.

Он издает хриплый смешок.

– Это было бы противозаконно, мой мальчик. Может, лучше гитару или Xbox?

Я бросаю на его прилавок пачку банкнот.

– Харэ ломаться, – говорю я. – Показывай, что у тебя есть.

Якуб смотрит на деньги, не прикасаясь к ним. Затем, пару мгновений спустя, выходит из-за прилавка, направляется шаркающей походкой к входной двери и закрывает ее на защелку. Затем шаркает вглубь магазина.

– Сюда, – не оборачиваясь, говорит он.

Я иду за ним в заднюю часть магазина. Здесь живет барыга – я вижу старый прохудившийся диван с торчащей из дыр набивкой. Квадратный телевизор. Крохотную кухню с плитой, пропахшую подгоревшим кофе и сигаретами.

Якуб ведет меня к комоду и выдвигает верхний ящик, открывая небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

– Который тебе? – спрашивает он.

Я ничего не смыслю в пистолетах. В жизни не держал в руках оружия.

Я смотрю на эту кучу огнестрела: что-то из карбона, что-то из стали, что-то гладкое, что-то выдавшее виды.

Мне бросается в глаза черный пистолет среднего размера, современный и простой на вид. Он напоминает мне оружие Джеймса Бонда. Я беру его, удивляясь тяжести в руке.

– Это «Глок», – поясняет Якуб.

– Знаю, – отвечаю я, хотя на самом деле не имею ни малейшего понятия.

– 45-й калибр. Патроны понадобятся? – уточняет он.

– И нож, – добавляю я.

Я вижу, что его это забавляет. Старикан думает, что я решил поиграть в командос. Да плевать – мне и не нужно, чтобы он воспринимал меня всерьез. Мне не нужно, чтобы он решил кого-то предупредить.

Якуб дает мне боевой нож в полимерных ножнах и словно ребенку демонстрирует, как братья за ножны, чтобы вытащить клинок.

Он не спрашивает, зачем мне оружие. И не дает сдачу.

Я прячу свои приобретения под одежду и спешу назад в квартиру.

Хочу проведать Анну, прежде чем начну выслеживать хо-

дядиче туши, посмевающие посягнуть на мою сестру.

Когда я снова открываю дверь, то внезапно чувствую, как по спине бегут мурашки.

Не знаю, откуда они взялись. Все выглядит как прежде – рюкзак на том же месте в коридоре, рядом с ним брошены кеды. Из комнаты отца все так же доносится тихое бормотание телека – звук, который не затихает в нашей квартире никогда. Я даже вижу синее свечение из-под двери.

Но я больше не слышу звуков льющейся воды. И своей сестры. Надеюсь, это означает, что она отдыхает в своей комнате.

Вот что я ожидаю увидеть. Я ожидаю увидеть ее в кровати под одеялом. Хорошо бы спящей. И все же мне не по себе, когда я прохожу мимо ванной, чтобы проведать сестру.

Оттуда доносится слабый шум. Ровный звук капающей воды. Словно не до конца закрыт кран.

Дверь приоткрыта – косяк треснул, когда я пробивался внутрь в первый раз. Теперь она не закрывается до конца.

Я толкаю дверь, и яркий флуоресцентный свет на мгновение ослепляет мои глаза.

Моя сестра лежит в ванне и смотрит в потолок.

Ее широко распахнутые глаза не моргают. Они мертвы. Ее лицо бледнее мела. Одна рука свисает с бортика ванны. Длинная рана тянется от запястья до локтя, изогнутая в форме жуткой улыбки.

От ванны до самого края плитки пол залит кровью. Она

подходит прямо к моим ступням. Если я сделаю хоть шаг внутрь, буду стоять в крови.

Этот факт словно парализует меня. Мне хочется подбежать к Анне, но я не могу идти по ее крови. Это глупо, безумно, но мне кажется, будто это потревожит ее. Пусть мне и ясно, что сестра мертва.

И все же нужно добраться до нее. Нужно закрыть ей глаза. Мне невыносимо видеть устремленный в потолок взгляд сестры. На лице Анны нет покоя – оно так же испуганно, как и раньше.

Я бросаюсь к ней, скользя на плитке. Мой желудок сводит, в груди пылает. Я нежно поднимаю руку сестры и опускаю в ванну. Ее кожа все еще теплая, и на секунду мне кажется, что надежда еще есть. Затем я вновь смотрю на ее лицо и понимаю, как это глупо. Я закрываю ей глаза.

Затем иду в комнату Анны. Нахожу ее любимый плед – с нарисованными на нем месяцами и звездами. Возвращаюсь в ванную и накрываю им тело. В ванне плед намокает, но это неважно – я просто хочу укрыть сестру, чтобы никто больше не мог на нее посмотреть. Никогда.

Затем я возвращаюсь в свою комнату. Сажу на полу возле пустого ящика, который не вернул на место под половицу.

Ощущение вины и сожаления невыносимо. Я буквально не могу их вынести – они разрывают мою плоть, кусок за куском, и скоро от меня не останется ничего, кроме голого скелета – ни мышц, ни нервов, ни сердца.

Того сердца, которое прямо сейчас каменеет внутри меня. Когда я увидел Анну, оно стучало так быстро, что, казалось, вот-вот взорвется. Теперь оно бьется все медленнее и медленнее, слабее и слабее. Пока совсем не остановится.

Я не проводил без сестры ни дня. Она была моим ближайшим другом, единственным человеком, до которого мне было дело. Анна во всех отношениях была лучше меня. Умнее, добрее, счастливее.

Мне часто казалось, что, когда мы формировались в утробе, наши черты поделились пополам, и сестре досталась лучшая часть. Но пока мы были вместе, ее доброты хватало на двоих. Теперь ее нет, и весь этот свет исчез вместе с ней.

А мне остались только мои собственные черты: целеустремленность. Решимость. И ярость.

Ясно как день, что Анна умерла из-за меня. Мне следовало остаться с ней. Мне следовало следить за ней, заботиться о ней. Именно так поступила бы она.

Я никогда не прощу себя за эту ошибку.

Но если я погрязну в чувстве вины, это кончится тем, что я приставлю этот пистолет к своей башке и выстрелю. Я не могу этого допустить. Я должен отомстить за Анну. Я обещал ей.

Я беру все свои оставшиеся эмоции до единой и запираю их глубоко внутри. Усилием воли я запрещаю себе что-либо чувствовать. Вообще хоть что-нибудь.

Все, что осталось, и есть моя цель.

Я расправлюсь с ними не сразу. Если попробую, то меня убьют раньше, чем я исполню свое предназначение.

Вместо этого следующие несколько недель я преследую своих жертв. Выясняю, где они работают. Где живут. Какие стрип-клубы, рестораны и бордели посещают.

Их зовут Абель Новак, Бартек Адамович и Иван Зелинский. Абель самый молодой из них. Это высокий долговязый парень болезненного вида, с головой, обритой в качестве дани его неонацистской идеологии. Когда-то он ходил со мной в одну школу, но учился на два года старше.

У Бартека густая черная борода. Судя по всему, он местный сутенер, потому что по ночам прячется по углам, собирая с девушек дань и следя за тем, чтобы они не вступали в лишние беседы с мужчинами, ищущими компании.

Иван у них главный. Ну, или, скорее, подглавный. Я знаю, кто стоит за ними, и мне плевать. Эти трое заплатят за то, что они сделали. И это не будет ни быстро, ни безболезненно.

Первым я настигаю Абеля. Это нетрудно, потому что он завсегдатай «Клуба пива», как и несколько наших общих друзей. Он сидит за барной стойкой, хохоча и выпивая, когда моя сестра уже семнадцать дней как лежит в земле.

Я смотрю, как он напивается.

Затем я приклеиваю на дверь уборной нацарапанную табличку: *Zepsuta Toaleta*. «Туалет не работает».

Я поджидаю в переулке. Десять минут спустя Абель выходит отлить. Расстегивает узкие джинсы и направляет струю

мочи на кирпичную стену.

У ублюдка нет волос, за которые я мог бы его схватить, так что я обхватываю его за лоб и откидываю голову назад. Я перерезаю его глотку от уха до уха.

Боевой нож острый, и все же я удивлен, с какой силой мне приходится надавливать, чтобы сделать надрез. Абель пытается кричать, но это невозможно – я порвал его голосовые связки, а кровь заливает горло. Он может издавать лишь сдавленный булькающий звук.

Я даю ему упасть на грязный асфальт лицом вверх, чтобы Абель видел своего палача.

– Это тебе за Анну, больной ублюдок, – говорю я.

И плюю ему на лицо.

Затем я оставляю его корчиться и захлебываться собственной кровью в грязном переулке.

Я возвращаюсь домой, в нашу квартиру. Сажу в комнате Анны, на ее кровати, на которой не осталось ничего, кроме матраса. На полке возле кровати стоят все ее любимые книги, затертые от бесконечного перечитывания. «Маленький принц», «Под стеклянным колпаком», «Анна Каренина», «Доводы рассудка», «Хоббит», «Энн из Зеленых Крыш», «Алиса в Стране чудес», «Земля». Обвожу взглядом открытки, приколотые к стене – Колизей, Эйфелева башня, статуя Свободы, Тадж-Махал. Места, которые она мечтала посетить, но никогда уже не увидит.

Только что я убил человека. Я должен чувствовать хоть

что-то – вину, ужас. Или, по крайней мере, удовлетворение. Но не испытываю ничего. Внутри меня черная дыра. Я вынесу что угодно, не моргнув и глазом.

Я не чувствовал страха, приближаясь к Абелью. Если мое сердце не отреагировало на это, ничто уже не заставит его волноваться.

Неделю спустя я прихожу за Бартеком. Сомневаюсь, что он ждет меня, – у Абелья было слишком много врагов, чтобы гадать, кто из них его убил. Вероятно, они вообще не думали о моей сестре. Вряд ли это была первая девушка, на которую напало «Братерство». А я никому не выдавал своих планов мести.

Я веду Бартека до квартиры его девушки. Насколько я знаю, она и сама раньше работала на углу, пока не получила повышение до его любовницы. Я покупаю красную кепку и пиццу, а затем стучу в дверь.

Бартек открывает. Он наполовину раздет, расслаблен и пахнет сексом.

– Мы не заказывали пиццу, – резко бросает парень и собирается захлопнуть передо мной дверь.

– Ну, не везти же ее назад, – отвечаю я. – Так что можете оставить себе.

Я протягиваю ему коробку, распространяющую соблазнительные ароматы пепперони и сыра.

Бартек не может устоять.

– Но я не собираюсь за нее платить, – предупреждает он.

– Ну и ладно.

Я вручаю парню коробку, глядя ему прямо в глаза. На лице бородача не читается ни тени узнавания. Наверняка он уже забыл об Анне, не говоря уже о том, что у нее был брат.

Пока руки Бартека заняты пиццей, я достаю пистолет и трижды выстреливаю ему в грудь. Он падает на колени с забавным выражением на удивленном лице.

Как только бородач исчезает из поля зрения, я понимаю, что все это время за ним стояла его девушка, миниатюрная соблазнительная блондинка в дешевом кружевном белье. Она прижимает ладони ко рту, готовая вот-вот закричать.

Она видела мое лицо.

Я без колебаний стреляю в девушку.

Блондинка падает как подкошенная, и я не устаиваю ее взглядом. Мои глаза прикованы к Бартеку, следят за тем, как бледнеет его лицо, как течет на пол кровь. Должно быть, я задел легкие, потому что парень издает свистящие звуки.

Я плюю на него тоже, прежде чем развернуться и уйти.

Возможно, мне не стоило оставлять Ивана напоследок. Главарь, вероятно, станет самой трудной добычей. Если он не дурак, то сможет сложить два и два и понять, что кто-то имеет на него зуб.

Но только так я мог сделать это – только так я мог в полной мере испытать катарсис.

Так что я выждал еще две недели, разыскивая его.

Неудивительно, что Иван залег на дно, почуяв, словно дикий зверь, что кто-то ведет на него охоту, пусть и не вполне понимая, кто именно.

Он окружил себя головорезами, и каждый раз внимательно осматривается, когда садится в свою шикарную тачку и выходит из нее, собирая мзду с мелких дилеров по соседству.

Я тоже внимателен. Мне всего шестнадцать. Я тощий подросток с торчащим из-под куртки фирменным фартуком. Я выгляжу как любой пражский пацан – бедный, недоедающий, бледный от недостатка солнечного света. Я для него никто. Как и Анна. Он ни за что бы меня не заподозрил.

Наконец, я застаю его в одиночестве, когда Иван выходит из квартиры. У него в руках черная спортивная сумка. Не знаю, что в ней, но боюсь, вдруг он планирует покинуть город.

Недолго думая, я пускаюсь следом. Это немного рискованно с моей стороны, но со дня смерти Анны прошел уже сорок один день. Каждый из них – в агонической пустоте. В тоске по единственному человеку, который был мне дорог. По единственному свету в моей дерьмовой жизни.

Иван идет впереди меня в своей пижонской черной кожаной куртке. Он совсем не урод – большинство девушек сочли бы его красавчиком. У Зелинского темные волосы, легкая небритость и квадратная челюсть. Разве что глаза немного близко посажены. Со всеми своими деньгами и связями вряд ли он обделен женским вниманием.

Я не раз видел, как Иван покидал ночные клубы в обнимку с очередной девушкой. И бордели тоже. Он напал на мою сестру не ради секса. Он хотел сделать ей больно. Он хотел помучить ее.

Иван сворачивает в переулок, затем входит в заброшенное здание через незапертую металлическую заднюю дверь. Я прячусь, чтобы посмотреть, появится ли мужчина снова. Он не появляется.

Стоит подождать. Я всегда ожидаю.

Но я устал ждать. Сегодня все закончится.

Приоткрываю дверь и проскальзываю внутрь. На складе темно. В отдалении слышно, как капает с протекающей крыши. Пахнет сыростью и плесенью. Здесь по меньшей мере градусов на десять холоднее, чем снаружи.

Склад полон остовов проржавевшего оборудования. Возможно, когда-то это была текстильная фабрика или что-то из легкой промышленности. Трудно сказать в полумраке. Я нигде не вижу Ивана.

Как не вижу и человека, напавшего на меня сзади.

Моя голова взрывается от ослепляющей боли. Я падаю на колени, упираясь руками в пол. Включается свет, и я понимаю, что меня окружает полдюжины парней. Иван стоит впереди, все еще держа в руках спортивную сумку. Он бросает ее на пол возле меня.

Двое резко поднимают меня на ноги, заводя мои руки за спину. Они грубо обыскивают меня, находят пистолет и пе-

редают его Ивану.

– Этим ты собирався выстрелить мне в спину? – ощеривается он.

Держа пистолет за ствол, Иван бьет меня прикладом в челюсть. Еще один взрыв боли. Во рту появляется вкус крови. Один из моих зубов, кажется, шатается.

Похоже, сейчас я умру. И мне совсем не страшно. Я ощущаю лишь ярость от того, что не смог убить его первым.

– На кого ты работаешь? – требует ответа Иван. – Кто послал тебя?

Я сплевываю на пол кровь, забрызгивая его ботинки. Иван скалится и заносит руку, чтобы ударить меня снова.

– Постой, – звучит сиплый голос.

Вперед выходит мужчина. Ему около пятидесяти. Среднего роста, с бледными глазами и лицом, изрытым глубокими шрамами, словно последствия акне или картечи. Стоит ему заговорить, как все взгляды обращаются к нему, в воздухе повисает выжидающая тишина, и сразу становится ясно, что настоящий босс здесь вовсе не Иван Зелинский.

– Ты знаешь, кто я? – обращается ко мне мужчина.

Я киваю.

Это Ти#мон Заяц, более известный как *Rzeźnik* – Мясник. Я не знал наверняка, что Иван работает на него, но догадывался. В Варшаве все нити ведут к Мяснику.

Мы стоим друг напротив друга, смотрим глаза в глаза. Его – побелели от возраста и от того, что им, вероятно, довелось

повидать. Они видят меня насквозь.

Я не опускаю взгляд. Не чувствую страха. Не беспокоюсь о том, что Мясник может со мной сделать.

– Сколько тебе лет, мальчик? – спрашивает он.

– Шестнадцать, – отвечаю я.

– На кого ты работаешь?

– Я работаю в «Свежих деликатесах». Делаю бутеры и вытираю столы.

Мясник поджимает губы и пристально смотрит на меня, пытаюсь понять, не шучу ли я.

– Ты работаешь в кулинарке?

– Да.

– Это ты убил Новака и Адамовича?

– Да, – не моргнув и глазом отвечаю я.

Он снова удивлен. Заяц не ожидал, что я так легко признаюсь.

– Кто помогал тебе? – спрашивает он.

– Никто.

Теперь Мясник разозлился. Но он обращает свой гнев на собственных людей и произносит:

– Пацан-уборщик в одиночку выследил и убил двоих из моих солдат?³

Это риторический вопрос. Никто не смеет на него ответить.

Заяц снова поворачивается ко мне:

³ Soldier (англ.) – самый младший член мафии.

– Сегодня ты хотел убить Зелинского?

– Да, – киваю я.

– Почему?

На широком лице Ивана мелькает страх.

– Босс, почему мы... – начинает он.

Движением руки Заяц заставляет его замолчать. Мясник все еще пристально смотрит на меня, ожидая ответа.

Мой рот распух от удара пистолетом, но я четко произношу свои слова:

– Твои люди изнасиловали мою сестру, когда она шла сдавать вступительный экзамен. Ей было шестнадцать. Она была хорошей девочкой – милой, доброй, невинной. Она не имела отношения к вашему миру. У вас не было причин вредить ей.

Глаза Зайца сужаются.

– Если ты хочешь возмещения...

– Нечего возмещать, – горько говорю я. – Она покончила с собой.

В бледных глазах Зайца нет ни тени сочувствия – только холодный расчет. Он взвешивает мои слова, оценивая ситуацию.

Затем он снова смотрит на Ивана.

– Это правда? – спрашивает Тимон.

Иван колеблется и облизывает пересохшие губы. На его лице читается борьба между желанием солгать и страхом перед главарем. Наконец он отвечает:

– Это не моя вина. Она...

Мясник стреляет ему прямо между глаз. Пуля исчезает в черепе Ивана, оставляя темную круглую дыру между бровей. Его глаза закатываются, и мужчина падает на колени, прежде чем рухнуть на пол.

Мысли вихрем проносятся в моей голове. Сначала я чувствую облегчение от того, что месть за Анну свершилась. Затем разочарование от того, что крючок спустил Заяц, а не я. Следом приходит понимание, что настала моя очередь умереть. И осознание того, что мне на это наплевать. Совсем.

– Спасибо, – говорю я Мяснику.

Он оглядывает меня сверху вниз, с головы до ног. Рассматривает мои рваные джинсы, грязные кроссовки, невымытые волосы, мою долговязую фигуру. Вздыхает.

– Сколько тебе платят в магазине? – спрашивает Тимон.

– Восемьсот злотых в неделю, – отвечаю я.

Он издает хриплый вздох, который можно принять за смех или что-то похожее.

– Больше ты там не работаешь, – говорит Заяц. – Теперь ты работаешь на меня. Понятно?

Вообще ничего не понятно. Но я киваю.

– Тем не менее, – мрачно продолжает он, – ты убил двоих моих людей. Это не может сойти тебе с рук.

Заяц кивает одному из своих солдат. Тот раскрывает спортивную сумку, лежащую у тела Ивана, и достает оттуда мачете длиной с мою руку. Клинок потемнел от времени, но

лезвие острее бритвы. Солдат передает мачете боссу.

Мясник подходит к старому рабочему столу. Столешница расколота, и одна ножка отсутствует, но стол все еще стоит вертикально.

– Протяни руку, – велит он мне.

Его люди отпускают меня. Я волен подойти к столу. Волен положить ладонь на его поверхность, широко расставив пальцы.

Я ощущаю нереальность происходящего, словно наблюдаю за всем со стороны, в трех футах от своего тела.

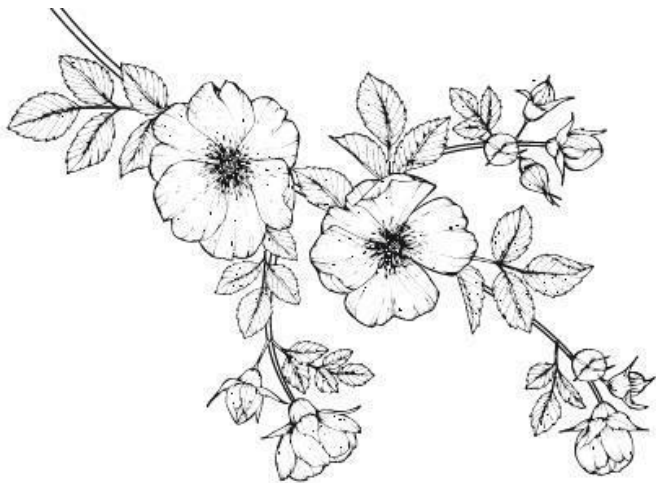
Заяц поднимает тесак. Он со свистом опускает его, отсекая первую фалангу моего мизинца. Это приносит меньше боли, чем удар пистолетом. Лишь обжигает, будто я окунул кончик пальца в пламя.

Мясник подбирает кусочек плоти, который когда-то был частью моего тела. Он бросает его сверху на тело Ивана.

– Вот, – говорит Заяц. – Все долги уплачены.

Несса

Чикаго. Десять лет спустя

Я еду в студию балета «Лэйк-Сити» по улицам, густо усаженным кленами в два ряда. Ветви деревьев настолько толстые, что почти смыкаются в арку над головой. Их темно-малиновые листья опадают, образуя хрустящие сугробы в кюветах.

Я люблю осенний Чикаго. Зима здесь ужасна, но недели ослепительных красных, оранжевых и желтых красок того

стоят.

Я только что навещала Аиду в ее новой квартире недалеко от Военно-морского пирса⁴. Это потрясающее место, бывшее когда-то старой церковью. На кухне до сих пор сохранились оригинальные кирпичные стены, а огромные старые деревянные балки пересекают потолок, словно китовые ребра. В спальне даже есть витражное окно, и когда мы сидели на кровати, льющийся сквозь него солнечный свет окрашивал нашу кожу в радужные оттенки.

Мы ели попкорн и мандарины за просмотром шестого фильма о Гарри Поттере на ее ноутбуке. Аида обожает фэнтези. Благодаря всему, что мы посмотрели, я тоже его любила. Но до сих пор не могу поверить, что ей хватает духу есть в кровати – мой брат очень щепетилен.

– Где Кэл? – с волнением спросила я.

– На работе, – ответила невестка.

Мой брат недавно стал олдерменом⁵ 43-го округа. В дополнение к его статусу наследника самого успешного чикагского мафиозного клана.

Мне всегда странно думать о своей семье как об ирландской мафии, потому что ничего другого я и не знала. Для меня отец, брат, сестра и мать – это люди, которые любят меня

⁴ Navy Pier (*англ.*) – пирс на береговой линии озера Мичиган, на котором расположено множество парков, садов, магазинов, ресторанов, семейных аттракционов и выставочных комплексов. Одна из самых посещаемых достопримечательностей Чикаго.

⁵ Олдермен – член муниципального совета.

и заботятся обо мне. Я не могу представить их преступниками с кровью на руках.

Я самая младшая в семье, поэтому они пытаются все от меня скрывать. В отличие от брата и сестры, я не имею отношения к семейному бизнесу. Кэллам – правая рука отца, а Риона – главный юристконсульт. Даже моя мать активно участвует в делах семьи.

А есть я – малышка. Избалованная, защищаемая, опекаемая.

Иногда мне кажется, что они хотят, чтобы благодаря мне хоть какая-то часть семьи оставалась чистой и невинной.

Что ставит меня в довольно странное положение.

Мне претят плохие поступки – я не могу даже раздавить жука или соврать ценой своей жизни. Мое лицо тут же краснеет, я начинаю потеть и заикаться, и мне кажется, что меня вырвет, если я только попытаюсь.

С другой стороны, порой я чувствую себя одиноко. Словно я не имею к остальным отношения. Словно я не часть собственной семьи.

Что ж, Кэл по крайней мере женился на классной девчонке. Мы с Аидой сразу понравились друг другу, хоть совсем и не похожи – она смелая, веселая и не потерпит никакой фигни. Особенно от моего брата. Поначалу казалось, что они убьют друг друга, но теперь я не могу представить Кэла ни с кем другим.

Жаль, они не остались жить с нами подольше, но я пони-

маю, что молодым нужно личное пространство. К несчастью для них, я собираюсь навещать брата и невестку примерно каждый день.

Мне даже немного совестно, что я не испытываю таких же чувств к собственной сестре. Риона просто слишком... ожесточенная. Она определенно выбрала профессию себе по нутру – моя сестра олимпийская чемпионка по спорам. Платить ей за это – все равно что платить утке за то, что та плавает. Я бы хотела иметь близкие сестринские отношения с Рионой, но меня не покидает чувство, что она едва выносит меня. Что считает какой-то дурочкой.

Я и правда иногда чувствую себя дурочкой. Но не сегодня. Сегодня я еду в студию балета, чтобы взглянуть на программки, которые распечатали к новой постановке. Она называется «Безмятежность», и я помогала ставить для нее половину хореографических номеров. Мысль о том, что я увижу их на сцене, приводит меня в такой ажиотаж, что я едва могу усидеть на месте.

Мать отдала меня в классический балет, когда мне было три года. Кроме этого, я ходила на уроки верховой езды, тенниса и виолончели, но именно танцы остались со мной навсегда. Я никогда не устаю от них. Я везде хожу на цыпочках, пока в голове играют отрывки из «Весны священной» и «Пульчинеллы»⁶.

Танцы для меня как воздух, которым я дышу. И я хоро-

⁶ «Весна священная», «Пульчинелла» – балеты, написанные И. Стравинским.

ша. Очень хороша. Проблема лишь в том, что быть хорошим танцором не значит быть великим. Хороших много. Великих можно пересчитать по пальцам. И тем и другим требуются часы пота и слез, но пропасть между талантом и гением так же велика, как Большой каньон. И я, к сожалению, по ту сторону величия.

Я долго не хотела себе в этом признаваться. Думала, если буду есть меньше и танцевать больше, то смогу стать прима-балериной. Но, закончив школу, я осознала, что я даже не лучшая балерина Чикаго, что уж говорить о национальном уровне. Мне бы повезло стать хотя бы стажером в крупной танцевальной труппе, а о том, чтобы войти в основной состав, не приходилось и мечтать.

Тем не менее я получила место в кордебалете театра-студии «Лэйк-Сити», совмещая танцы с учебой в Университете Лойолы. Я бы не хотела бросать танцы, пока не закончу университет.

Директор и главный хореограф студии – Джексон Райт. Он слегка засранец – впрочем, как и любой директор. Похоже «директор» и «диктатор» в этой индустрии синонимы. И все же он гениален.

Театр-студия «Лэйк-Сити» экспериментальный. Тут танцуют в стиле контемпорари и ставят самые невероятные шоу – например, в полной темноте с флуоресцентной краской на телах танцовщиков. Или постановки, где вместо музыки звучит только ритм барабанов.

Наша новая постановка радостная, что подходит мне идеально, потому что я самый беззаботный человек, которого вы только встречали. Мало что способно меня огорчить.

Возможно, поэтому Джексон доверил мне такую большую часть хореографии. Он и раньше давал мне ставить кое-что здесь и там, с тех пор как я обнаружила в себе талант хореографа. Но сейчас впервые позволил поставить целые номера.

Жду не дождусь, когда увижу их во всем великолепии – с гримом, костюмами и правильным светом. Словно мои мысли вживую воплотятся на сцене. Я представляю свою семью, сидящую в первом ряду, потрясенную тем, что я могу быть скульптором, а не только материалом. Впервые по-настоящему восхищенную мною!

Я практически вприпрыжку вбегаю в студию. В первом зале проходит разминка, а во втором находится балетный класс. Меня обволакивает композиция из знакомых звуков и запахов – топот ног по деревянным полам, пианист, отбивающий такт, смесь ароматов пота, духов и воска для пола. Здесь пахнет домом.

В студии жарко от разгоряченных тел. Я снимаю куртку, направляясь напрямиком в кабинет Джексона.

Дверь наполовину открыта. Я вежливо стучу по косяку, ожидая его немногословного «войдите», прежде чем зайти.

Директор сидит за столом, просматривая небрежную кипу бумаг. В его кабинете полнейший бардак – он битком набит фотографиями в рамках, афишами прошлых выступ-

лений, отдельными папками и даже фрагментами костюмов на начальной стадии проектирования. Во время постановки Джексон контролирует все до последней пачки.

Это стройный мужчина немногим выше меня, пожалуй, даже слишком худой из-за своей строгой веганской диеты. У него густая копна черных волос с легкой проседью на висках. Джексон чрезвычайно гордится своими волосами и всегда проводит по ним руками, когда говорит. У него загорелая кожа, худощавое лицо, большие, темные и выразительные глаза. В хореографа влюблены многие танцоры, и мужчины, и женщины.

– Несса, – говорит он, глядя на меня поверх своих бумаг. – Чем обязан?

– Изабель сказала мне, что готовы программки! – отвечаю я, стараясь не улыбаться слишком широко. Изабель – главная по костюмам. Она может вручную шить со скоростью швейной машинки, одновременно выкрикивая указания всем своим помощникам. У нее острый язык и доброе сердце. Мне нравится думать о ней как о своей танцевальной маме.

– О, точно. Вон там, – отвечает Джексон, кивая головой в сторону картонной коробки, стоящей на складном стуле и доверху набитой программками.

Я подбегаю и хватаю самую верхнюю стопку, снимая резинку, чтобы достать программку.

Обложка прекрасна – на ней изображена Анжелика, од-

на из наших прим, облаченная в красную шелковую тунику. Она прыгает в воздухе, и нога под невозможным углом взлетает над головой, ее идеально изогнутая стопа выглядит словно лук для стрельбы.

Я открываю программку, скользя глазами по списку танцоров вниз к именам постановочной группы. Я ожидаю увидеть там свое имя и даже хочу попросить у Джексона разрешения взять одну домой, чтобы показать родителям.

Вместо этого... я не вижу вообще ничего. Джексон Райт указан в качестве главного хореографа, Келли Пол – в качестве помощника. Меня же в программке нет вовсе.

– Что? – раздраженно бросает Джексон, заметив ошеломленное выражение моего лица.

– Просто... кажется, меня забыли указать в качестве одного из хореографов, – нерешительно произношу я. – Забыли, вероятно, те, кто разрабатывал дизайн программок. Должно быть, это недоразумение.

– Нет, – небрежно отвечает Джексон. – Не забыли.

Мой рот складывается в удивленное «о», когда я смотрю на директора.

– Что... ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Тебя не забыли, – повторяет он. – Тебя и не должны были упоминать.

Мое сердце бьется о грудную клетку, словно муха о стекло. Первым порывом мне хочется кивнуть, согласиться и уйти. Я ненавижу споры. Но знаю, что, если поступлю так, поз-

же возненавижу себя сильнее. Я должна разобраться, что происходит.

– Почему меня не должны были упоминать? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее и безразличнее.

Джексон раздраженно вздыхает и откладывает бумаги в остальную кучу-малу на столе.

– Ты не хореограф, Несса, – говорит он, словно объясняет простые истины. – Ты танцовщица кордебалета. Просто потому, что ты подкинула пару идей...

– Я поставила четыре танца! – выпаливаю я с горящим лицом. Знаю, что это звучит по-детски, но ничего не могу с собой поделывать.

Джексон встает из-за стола. Он подходит ко мне и опускает руки мне на плечи. В первую секунду мне кажется, что мужчина хочет меня утешить, но затем я понимаю, что он направляет меня к выходу.

– Понимаешь, в чем дело, Несса, – говорит он. – Ты неплохо потрудилась. Но твоя работа не столь уж оригинальна. Она довольно проста. Те части шоу, что вдыхают в него жизнь, заставляют его звучать, ставил я. Поэтому не стоит позориться, пытаясь приписать себе несуществующие заслуги.

Мое горло так распухло от смущения, что я не могу говорить, отчаянно пытаюсь сдержать слезы, жгущие глаза.

– Спасибо, что заглянула, – говорит Джексон, когда мы

подходим к выходу. – Можешь оставить себе программку, если хочешь...

Я даже не понимала, что до сих пор держу в руках несчастную листовку, смятую от того, как сильно я ее сжимала.

Джексон выставляет меня из своего кабинета и с тихим щелчком закрывает дверь. Я остаюсь одна в коридоре.

Стою там ошеломленная, по лицу катятся тихие слезы. Боже, я чувствую себя идиоткой.

Не желая ни с кем столкнуться, я разворачиваюсь и иду прочь по коридору в сторону выхода.

Прежде чем я успеваю выйти, меня перехватывает Серена Бреглио. Она тоже танцовщица кордебалета, как и я. Девушка вышла с разминки к фонтанчику с водой.

При виде меня она резко останавливается и озабоченно сводит вместе светлые брови.

– Несса! Что случилось?

– Ничего, – отвечаю я, качая головой. – Ничего такого. Просто я... сглупила.

Вытираю щеки тыльной стороной ладоней, пытаюсь успокоиться.

Серена бросает подозрительный взгляд на закрытую дверь Джексона.

– Он что-то сделал? – допытывается она.

– Нет, – отвечаю я.

– Ты уверена?

– Совершенно уверена.

– Дай я хотя бы обниму тебя, – говорит она, обвивая руками мои плечи. – Прости, я потная.

Меня это не беспокоит. Пот, волдыри, сломанные ногти на ногах... здесь это такое же обычное явление, как и шпильки для волос.

Серена типичная калифорнийская блондинка. У нее стройное спортивное тело и загар, который не сходит даже на Среднем Западе. Девушка выглядит так, словно рождена стоять на доске для серфинга, а не на пуантах, но при этом достаточно хороша, чтобы со дня на день возвыситься до полусолистки.

Она достойная конкурентка в студии, но настоящая душ-ка за ее пределами, поэтому я не переживаю, что Серена увидит меня такой. Я знаю, что девушка не станет сплетничать.

– Ты идешь с нами сегодня? – спрашивает она.

– Куда вы собираетесь?

– В новый клуб. Он только открылся, называется «Джунгли».

Я колеблюсь.

Обычно мне не разрешается ходить в подобные заведения. Особенно не предупредив заранее родителей или брата. Но если я им скажу, меня не отпустят. Или отправят в компании телохранителя, чтобы тот за мной присматривал – например, Джека Дюпона, который будет сидеть в углу и пристально за мной наблюдать, отпугивая любого, кто хотел бы пригласить меня на танец. Это смущает и заставляет мо-

их друзей чувствовать себя странно.

– Я не знаю... – говорю я.

– Ой, ну давай, – Серена сжимает мои за плечи. – Марни тоже собирается. Пошли с нами, выпьешь коктейльчик и будешь дома уже к одиннадцати.

– Ну, хорошо, – говорю я, чувствуя себя настоящей бунтаркой, оттого, что просто соглашаюсь. – Давай сделаем это.

– Да! – Серена победно поднимает кулак. – Ладно, я пойду, пока мадам Бродер не задала мне взбучку. Здесь подождешь?

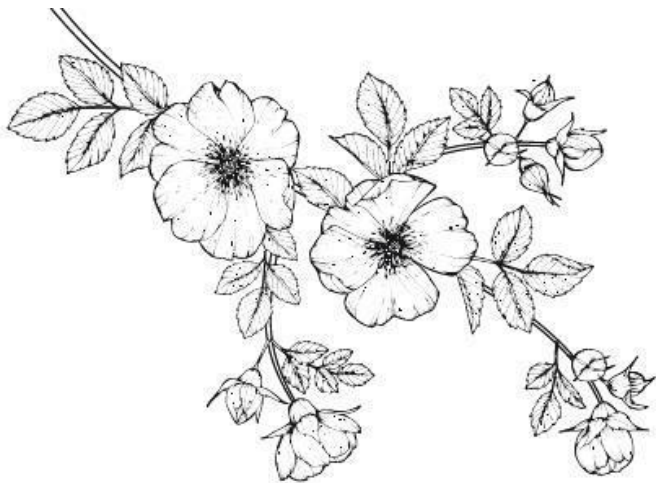
– Нет, – качаю я головой. – Буду в соседней кафешке.

– Отлично, – говорит Серена. – Закажи мне скон⁷.

⁷ Scone (англ.) – сладкая пышная выпечка родом из Великобритании.

Мико

Чикаго

Я сижу в своем кабинете в задней части клуба, отмечая цифры в бухгалтерской книге.

Теперь у меня два ночных клуба и три стрип-клуба. Они приносят неплохой доход – даже тот, что открылся всего пару недель назад. Но их предназначение не в этом. Заведения служат лишь для отмывания денег.

Любая индустрия, где платят наличными, это отличное

прикрытие. Прачечные, автосалоны подержанных автомобилей, службы такси, рестораны... все они служат корзиной, в которую сбрасывается легальная прибыль, а также незаконный доход, полученный от наркотиков, оружия, хищения и женщин.

В былые времена можно было выставить пустую витрину, даже не удосужившись наполнить ее товаром. У Аль Капоне была такая витрина прямо здесь, в Чикаго. На его визитной карточке было написано «Торговец подержанной мебелью». Теперь судебная бухгалтерия стала куда более изощренной, и для прикрытия нужен настоящий процветающий бизнес.

Конечная цель этого мероприятия – положить грязные деньги в банк. Это приходится делать медленно и скрупулезно, ежедневно примешивая к «чистым» взносам нелегальную прибыль. И хорошо бы незаконные средства составляли всего десять-пятнадцать процентов основного дохода.

Нужно быть аккуратнее, потому что банки – гребанные крысы. Если они заметят, что твоя скромная пиццерия внезапно приносит миллионы долларов, или увидят, что прибыль намного превышает сумму в чеках, которые ты выписываешь дистрибьюторам, они донесут на тебя в налоговую службу.

Но как только деньги в системе, отправлять их можно куда угодно. Офшорные налоговые убежища, крупная недвижимость, брокерские счета...

Все мои активы вместе взятые исчисляются восьмизнач-

ными цифрами. Но, глядя на меня, этого не скажешь. Я веду себя сдержанно и велю своим людям делать то же. Стоит разлентиться, стать неосмотрительным и начать сорить деньгами, как тут же привлечешь к себе ненужное внимание.

Теперь чикагским «Братерством» управляем я и мой брат Йонас. Мы названные братья, не кровные. Нас обоих усыновил Тимон Заяц. Я работал на Тимона десять лет. Он учил меня, тренировал, направлял.

Мой биологический отец умер в Варшаве. Я не знаю, где его могила. И мне плевать. Я больше не ступлю на польскую землю. Я вообще стараюсь об этом не думать.

Тимон привез меня сюда, в Америку. Он рассказал мне, как построить империю богаче, чем вся наша родина. Я поверил ему. Его мечты стали моими. Он дал мне смысл жизни.

Какое-то время мы процветали. Мы начали захватывать этот город, квартал за кварталом.

Но мы не единственные гангстеры в Чикаго.

Мы ввязались в конфликты с колумбийцами, русскими, итальянцами и ирландцами.

Колумбийцев мы сокрушили, захватив их конвейер по производству наркотиков. Вот когда деньги действительно потекли, обеспечивая другие наши операции.

Затем Министерство юстиции оказало нам услугу, расправившись с торговлей оружием, которой руководила русская «Братва».

Это развязало нам руки, позволив выступить против ита-

льянцев, особенно семьи Галло. Но Энзо Галло оказался не так немощен, как мы ожидали, и не растерял хватки. Его сыновья уложили троих наших людей в землю, на которой возвели фундамент для своей башни на Оук-стрит.

Прежде чем мы успели ответить, Галло вступили в неожиданный союз с Гриффинами, ирландскими мафиози, королями криминального Чикаго. Энзо выдал свою единственную дочь за Кэллама, единственного сына Грифффинов.

Это было как гром среди ясного неба. Словно союз между Израилем и Палестиной или кошками и собаками.

Тогда-то, похоже, Тимон и совершил ошибку. Ошибаться ему было не свойственно. Но в тот момент он повел себя необдуманно.

Когда Аида Галло и Кэллам Грифффин пришли в один из наших клубов разнюхивать информацию, мы накачали их снотворным и отвезли в старую скотобойню на западе города.

Это был импульсивный, не спланированный поступок, совершенный по приказу Тимона. И все-таки я виню себя за то, что случилось.

Я стоял, направив на них винтовку. Я должен был без колебаний пристрелить их обоих там и тогда.

Вместо этого они сбежали по сливной трубе.

Это была унижительная ошибка. Я опустился перед Тимоном на колени, ожидая заслуженного наказания. За десять лет я еще ни разу не подводил его так сильно.

Заяц приказал остальным покинуть помещение.

Я закрыл глаза, думая о мачете, которое он опустит на мою шею. Такова справедливость в нашем мире.

Вместе этого я почувствовал на плечах тяжесть его ладоней. Но в этом жесте не было злости.

Я посмотрел ему в лицо.

Сколько я знал Тимона, я никогда не видел его колеблющимся или слабым. Но внезапно его лицо показалось мне усталым. Ему было всего пятьдесят восемь лет, но Мясник прожил дюжину жизней, полных крови, тяжкого труда и борьбы.

– Миколай, – сказал он. – Ты мой сын и наследник. Я знаю, что ты никогда не подведешь меня снова.

Я уже давно утратил способность чувствовать что-либо похожее на любовь. Но во мне разгорелся огонь преданности, нечто, гораздо более сильное, чем любовь. Тимон уже дважды пощадил мою жизнь. Ему никогда не придется делать это в третий раз.

Я словно почувствовал прилив новых сил. Был готов встать плечом к плечу с моим отцом и сокрушить итальянцев и ирландцев. Раз и навсегда прибрать к рукам власть в этом городе.

Вместо этого неделю спустя Данте Галло убил Тимона. Застрелил его, оставив истекать кровью в придорожной канаве.

Мне еще только предстоит отомстить, и мне стыдно за каждый проходящий втуне день.

Но нужно учитывать два фактора.

Во-первых, мои люди. Гриффины и Галло вместе представляют внушительную мощь. Их поддерживают десятки ирландских и итальянских семей. Атаковать их напрямую опасно и бессмысленно. Во всяком случае, пока.

Во-вторых, я хочу заставить их страдать. Я мог бы убить Кэллама или Данте, но что с того? Я хочу сокрушить всю империю. Хочу разделить две семьи. И затем уничтожить их по одному.

Чтобы сделать это, мне нужно найти их слабое место. Их уязвимость.

Так что я наблюдаю и выжидаю. Позволяю им думать, что «Братерство» пало, что они отрубили голову змея, убив Тимона.

Тем временем я управляю своим бизнесом. Слежу за своей территорией. И приумножаю с каждым днем деньги и власть.

Раздается стук в дверь. Это Йонас. Он входит, не дожидаясь приглашения, с ящиком польской водки «Жубровка» в руках и вытаскивает одну из бутылок, демонстрируя мне ярко-зеленую этикетку и одинокую травинку зубровки, плавающую в бледно-янтарном напитке.

– Как раз вовремя, – радостно скалится он. – Наши запасы вот-вот закончатся.

У Йонаса мощное телосложение, накачанные мускулы и густые черные волосы, которые он зачесывает назад. Его гла-

за настолько темные, что сложно отличить зрачок от радужной оболочки, а брови представляют собой прямые линии, поднимающиеся по внешним краям, как у Спока⁸. Впрочем, на этом его сходство с вулканцем заканчивается. Йонас нелогичен и импульсивен – он скор на скандал и на веселье. Мой брат не продумывает свои действия до конца. Вот почему главный я, а не он.

Так хотел бы Тимон. Впрочем, это и не важно – моего приемного отца не стало, и я больше не собираюсь быть вторым.

– Какая общая выручка за алкоголь на этой неделе? – спрашиваю я Йонаса.

– Пятьдесят семь тысяч, – гордо отвечает он.

Это на двенадцать процентов больше, чем на прошлой неделе.

– Хорошо, – киваю я.

– Впрочем, кое-что меня смущает, – хмурится Йонас.

– Погоди, – отвечаю я.

Я хлопаю по плечу девушку, которая все это время сидела у меня между ног и сосала член. Ее зовут Петра. Это одна из наших барменш – одна из лучших, вообще-то. Языком она управляется не хуже, чем руками. Неплохое дополнение к утомительному процессу сведения баланса. Но обычно я не кончаю. Как бы усердно Петра ни работала, мой член жив

⁸ Spock (*англ.*) – представитель гуманоидной расы вулканцев, персонаж научно-фантастической франшизы «Звёздный путь». Он отличается интеллектом и логикой, непроницаем, замкнут и в то же время обаятелен.

лишь наполовину, как и все остальное во мне.

– Можешь идти, – говорю я ей.

Петра встает из-за стола, отряхивая колени своих узких черных брюк. Сверху на ней топ в виде корсета, наполовину расшнурованного, чтобы продемонстрировать щедрое декольте. Помада размазана вокруг рта.

Йонас ухмыляется, понимая, что все это время мы были в комнате не одни. Он оценивающе оглядывает бюст Петры, а затем ее зад, когда девушка выходит из кабинета. Впрочем, не то чтобы он видел их в первый раз.

– Как она? – спрашивает брат. – Мне пока не выпадала честь.

– Нормально, – бросаю я. – О чем ты хотел рассказать?

Йонас снова становится серьезным, возвращаясь к делу.

– Думаю, кто-то из барменов нас обкрадывает.

– С чего ты взял?

– Я взвешивал бутылки. Не хватает тридцати восьми унций⁹.

– Кто-то слишком много наливает?

– Нет. Я поставил на горлышко дозаторы.

– В таком случае, этот кто-то либо угощает друзей, либо прикарманивает нал.

– Это точно, – соглашается Йонас.

– Я понаблюдаю сегодня.

– Отлично, – говорит Йонас и снова расплывается в ух-

⁹ Примерно 1,1 л.

мылке, скрещивая руки на груди.

– Что? – раздраженно спрашиваю я.

– Ты собираешься убрать член в штаны?

Я смотрю вниз на свой пенис, все еще перемазанный помадой Петры. Я уже и забыл о прерванном минете. Нахмурившись, заправляю член обратно.

– Доволен?

– Вполне, – отвечает он.

Мы направляемся в зал.

Ночь только набирает обороты – гости выстроились у барной стойки, на танцполе становится тесно, все кабинки со столиками уже заняты.

Я оглядываю многолюдную суету и вижу деньги, деньги, деньги. Официантки засовывают наличные в передники, разнося посетителям напитки с четырехсотпроцентной наценкой. Бармены снова и снова проводят кредитными картами, и каждый взмах – еще одна капля в море денег «Братерства».

Стены в клубе оклеены газетной бумагой, кабинки обиты бархатом насыщенного изумрудного цвета. Тусклое, водянисто-зеленое освещение создает узорчатые тени, из-за которых кажется, что посетители идут по высокой траве.

Это самые настоящие джунгли, и я их король. Посетители, сами того не подозревая, оказывают мне почести, пока я осушаю их кошельки с каждым напитком.

Я занимаю наблюдательную позицию в углу танцпола, де-

лая вид, что слежу за посетителями, но на самом деле не свожу глаз со своих подчиненных. В особенности с барменов.

За стойкой основного бара их четверо – Петра, Моник, Бронсон и Чез. Все они быстрые и расторопные работники, нанятые за первоклассные навыки и сексуальную внешность. Я не исключаю женщин, но подозрения падают на парней. Петра и Моник получают ошеломляющее количество чаевых ото всех одиноких бизнесменов в округе. Бронсон и Чез тоже отлично справляются, но, исходя из моего опыта, мужское корыстолюбие удовлетворяют триста долларов за ночь.

Хороший бармен – это фокусник и жонглер в одном флаконе. Он болтает с клиентом, одновременно переворачивая бокалы, перемешивая шейкеры и наливая двенадцать порций подряд. Он заставляет деньги исчезать, а алкоголь литься рекой. Он всегда выполняет десять дел одновременно.

Нужен наметанный глаз, чтобы понять, что он проворачивает на самом деле.

Через двадцать восемь минут я вычисляю вора.

Это не Бронсон с его накачанными мышцами и обаянием наглеца. Он хоть и подсовывает бесплатный напиток хихикающей блондинке, но оплачивает его из собственных чаевых.

Нет, это Чез, маленький скользкий ублюдок. Чез с его серебряными кольцами, хипстерской бородкой и пучком на голове.

У этого ублюдка огромное самомнение, если он думает, что может проворачивать две аферы за раз прямо у нас под

носом. Во-первых, Чез принимает платежи сразу у трех-четырёх клиентов одновременно и делает вид, что все их отмечает. Но когда его пальцы летают по экрану, я замечаю, что засчитывается лишь девять из десяти заказов в расчете на то, что объем платежей скроет его махинации.

Но есть и кое-что еще, чего Йонас не заметил: Чез тайком пронес в клуб собственную бутылку «Краун Роял». Это элитный напиток, по восемнадцать долларов за шот. Каждый раз, когда клиент его заказывает, бармен наливает ему из бутылки, которой он подменил мой виски. А затем опускает оплату прямо в свою банку для чаевых.

За то время, что я за ним наблюдаю, Чез украл уже порядка семидесяти шести долларов. По моим приблизительным подсчетам, это означает, что он присваивает более девятисот долларов за ночь.

Я делаю жест Йонасу, подзывая его к себе.

– Это Чез, – говорю я.

Брат смотрит на Чеза и на его самодовольную ухмылку, когда тот открывает четыре бутылки пива и протягивает их стайке шумных студенток. Лицо Йонаса темнеет. Он делает шаг, словно намеревается схватить Чеза за грудки и перетащить через стойку прямо здесь и сейчас.

– Рано, – говорю я, кладя руку Йонасу на грудь. – Пусть закончит смену. Сегодня нам понадобятся все работники. Схватим его на пути домой.

Йонас хмыкает и кивает. У туалетов вспыхивает драка,

и он направляется туда, чтобы убедиться, что вышибалы ее разняли.

Я вновь прислоняюсь к столбу в углу танцпола, скрестив руки на груди. Удовлетворение от поимки вора уже улетучилось. Меня снова начинают снедать мысли о Гриффинах и Галло.

Ровно в этот момент в клуб входит девушка.

Каждую ночь я вижу сотни восхитительных женщин, разодетых в платья, возвышающихся на шпильках, напомаженных, с идеальными укладками и блестками на коже.

Эта девушка привлекает мое внимание своей абсолютной противоположностью им всем. Юное, свежее лицо. Такое чистое, словно сияющее. Светло-каштановые волосы, собранные в простой конский хвост. Широко распахнутые невинные глаза. И россыпь веснушек на носу, которые она даже не пыталась скрыть.

На девушке легкий свитер с запахом, а под ним бледно-розовое боди, почти того же цвета, что и ее кожа. Странный наряд для ночного клуба. Ее подруги одеты в обычные кроп-топы и мини-платья.

При взгляде на нее я ощущаю прилив адреналина. Мои мышцы напрягаются, словно сжатые пружины, зрачки расширяются. Мне даже кажется, что я слышу запах ее парфюма – легкий и сладкий, летящий над запахами сигаретного дыма, алкоголя и пота.

Реакция хищника, завидевшего жертву.

Потому что я узнаю эту девушку.

Это Несса Гриффин. Ненаглядная принцесса ирландской мафии. Их лапушка.

Она забрела в мой клуб, словно невинная газель. Глупенькая. Потерянная. Обреченная на убой.

Словно божий промысел привел ее ко мне. Но я не верю в бога. Так что будем считать это промыслом дьявола.

Я смотрю, как она идет по моему клубу в окружении подруг. Они заказывают выпивку у нахального красавчика Бронсона. Тот флиртует изо всех сил, смешивая мартини. И хотя внимание бармена больше направлено на блондинку, подругу Нессы, юная Гриффин все равно краснеет и избегает его взгляда.

Несса берет свой арбузный мартини, неловко отпивает его и кривится, хотя там сплошной сок. Она выпивает не больше четверти бокала, после чего ставит его на стойку.

Блондинка все еще хихикает с Бронсоном. Другая подруга завела беседу с долговязым ботаником. Несса с любопытством и стеснением оглядывает помещение.

Я не скрываю своего интереса и не отвожу глаз, когда наши взгляды встречаются. Я хочу увидеть выражение ее лица, когда девушка увидит меня. Поймет ли она, кто перед ней.

Несса ярко краснеет и отводит взгляд, но затем снова смотрит в мою сторону, чтобы проверить, продолжаю ли я глазеть. Увидев, что продолжаю, она резко разворачивается ко мне спиной и быстро делает еще один глоток мартини.

Несса в полном неведении. Она не имеет ни малейшего понятия, кто я такой. Это просто стеснительная девочка, предпочитающая прятаться за более уверенными подругами.

Я шагаю обратно в свой кабинет, но у самой двери меня перехватывает Йонас.

– Ты куда? – спрашивает он, замечая мою спешку.

– Танцпол сегодня на тебе, – отвечаю я. – Мне предстоит кое-чем заняться.

– Что насчет Чеза?

Я задумываюсь. Я бы не отказался посмотреть на физиономию этого мелкого говнюка, когда он поймет, что попался. Самодовольная улыбка сползет с его лица, уступив место страху, а затем священному ужасу. Я бы заставил Чеза канючить, молить и пресмыкаться, прежде чем выбил из него свои деньги.

Но теперь у меня появились дела поважнее.

– Отведи бармена в подвал в конце смены, – говорю я Йонасу. – Переломай ему руки. И забрось в его квартиру.

– А что с деньгами? – спрашивает Йонас.

– Думаю, они уже давно растворились в его крови.

Сомневаюсь, что этот мелкий ублюдок осмелился украсть мои деньги, чтобы положить их на сберегательный счет. У него зависимость.

Йонас кивает и направляется обратно в клуб.

Я захожу в офис и обшариваю верхний выдвижной ящик стола, находя GPS-трекер. Идеального размера, по форме и

цвету напоминающий монетку. Я кладу его в карман и возвращаюсь на танцпол.

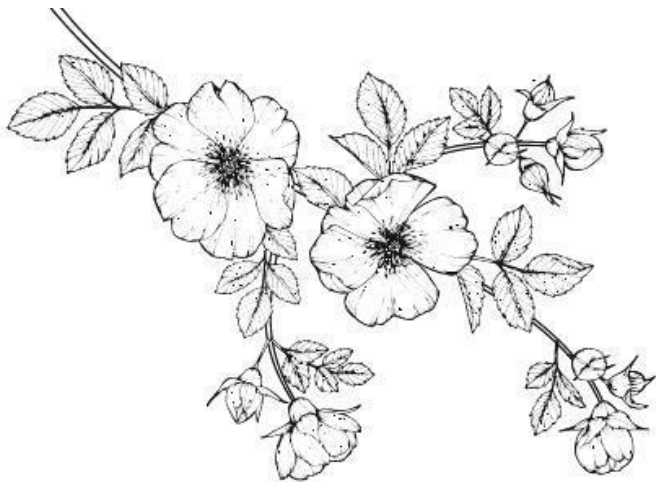
Мне хватает пары секунд, чтобы заметить на танцполе Нессу Гриффин. Она танцует с подругами, двигаясь под ремикс Иманбека на песню *Roses*. И я не единственный, кто за ней наблюдает. Девушка притягивает взгляды других мужчин и даже женщин своим чувственным танцем. Кажется, она позабыла про стеснение, полностью растворившись в музыке.

Мне не составляет труда подойти незаметно и сунуть трекер к ней в сумочку. Несса настолько погружена в себя, что я даже позволяю себе провести пальцами по хвосту, падающему ей на спину. Ее волосы приятные и шелковистые, прохладные на ощупь. Теперь я действительно ощущаю запах ее духов, легкий и чистый: ароматы лилии, орхидеи и сливы.

Я ухожу прочь прежде, чем она успеет что-то заметить. Теперь я буду знать обо всех ее передвижениях.

Буду следить за ней. Преследовать ее. И приду за ней в свое время.

Несса

Я практически не бывала в ночных клубах до этого. Мне даже по возрасту нельзя здесь находиться. Серена дала мне удостоверение своей сестры, которая, на самом деле, совсем на меня не похожа – за исключением разве что цвета волос. К счастью, охранник лишь мельком глянул на него, прежде чем нас пропустить.

Мы проходим внутрь, и я словно оказываюсь в другом мире. Приглушенный и мигающий свет, биты#, бьющие по коже. Я знаю, что клуб только открылся, но он выглядит как на-

стоящий осколок империализма, словно создавался для британских колонистов, направляющихся в Индию. Темная древесина, потертые серебряные канделябры и бархат насыщенного зеленого цвета выглядят так, словно очутились здесь напрямиком из старинной библиотеки.

Мне это даже нравится. Жаль только, что у меня не было возможности переодеться, как это сделали другие девочки. Теперь они выглядят так же сексуально и круто, как и все здесь, а я... нет.

Я даже не знаю, что заказывать, когда мы подходим к барной стойке. Беру то же, что и Серена, и это оказывается арбузный мартини со стружкой из цедры лайма, плавающей в бокале.

Даже бармен невозможно сексуальный, словно работники набирались из модельных агентств и каждый из них только что сошел с подиума.

Серена в восторге. Она облокачивается на стойку и, широко улыбаясь бармену, спрашивает его, много ли номеров от девушек он получает за ночь.

– Можно и больше, – подмигивая, отвечает он. – В моем телефоне определенно найдется место для еще одного номера.

Я делаю глоток. Напиток очень сладкий, но я все же морщусь, ощущая привкус алкоголя. Не знаю, как мой брат пьет чистый виски – для меня все спиртные напитки на вкус как растворители.

Я не хочу захмелеть, поэтому ставлю мартини обратно на стойку и оглядываюсь.

Я люблю наблюдать за людьми.

Меня бы вполне устроило сидеть где-нибудь в неприметном углу и всю ночь глазеть на посетителей. Я люблю гадать, кто из них пара, а кто нет, кто отмечает завершение сессии, а кто пришел с коллегами. Мне нравится замечать жесты и выражения лиц, смотреть, как люди танцуют, болтают и смеются.

Я не люблю привлекать внимание к себе. Поэтому, когда я замечаю у танцпола мужчину, который стоит, прислонившись к столбу, и не сводит с меня глаз, его взгляд обжигает словно пощечина. Я смотрю вниз, внезапно заинтересовавшись своим маникюром, и жду, пока он обратит внимание на кого-то другого.

Когда я снова поднимаю взгляд, мужчина продолжает на меня смотреть. Он высокий, стройный, а его волосы такие светлые, что почти белые. У него резкие черты лица и бледная кожа. Кажется, словно молодой человек не спал и не ел сутками – щеки впали, а под глазами залегли темные круги. При этом он довольно красив – словно голодающий ангел. Но на милостивом лице не читается ни доброты, ни дружелюбия.

Я отворачиваюсь к бару и снова хватаю свой напиток. Завожу беседу с Марни в твердой решимости не смотреть больше на странного парня.

Как только мы допиваем свои коктейли, наступает время танцев. Мы исполняем хампти-дэнс, кэбедж-патч, ренегайд и танец треугольника¹⁰. Марни пытается убедить диджея поставить певицу Лиззо, но тот говорит, что ему нельзя отступить от списка.

Продолжая флиртовать с горячим барменом, Серена еще несколько раз наведывается к стойке за коктейлями. Когда она становится слишком пьяна для танцев, мы с Марни приносим подруге воды и садимся перевести дух в кабинку со столиком.

– Так ты расскажешь мне, что тебя так расстроило? – требовательно спрашивает Серена, откидываясь на спинку диванчика.

– О, – отвечаю я, качая головой, – ерунда. Я думала, что мое имя будет в списке постановщиков «Безмятежности».

– Почему твоего имени нет в списке? – спрашивает Марни. Это высокая худая темнокожая девушка с милой щербинкой между передними зубами. Она талантливая художница, и не только танцует в труппе, но и работает иногда над декорациями.

– Я не знаю. Возможно, Джексон переделал большую часть моей хореографии.

– Нет, не переделал, – отвечает Марни, качая головой. – Я видела дуэтный танец буквально вчера вечером. Он тот же,

¹⁰ Названия танцевальных движений, популярных в социальных сетях: Humpty Dance, Cabbage Patch, Renegade, Triangle (англ.).

что ты поставила.

– Вот как.

Теперь я чувствую себя еще хуже. Моя работа настолько плоха, что Джексон не посчитал меня достойной упоминания? Почему же тогда он использует ее в шоу?

– Он украл твои идеи, – говорит Серена, с отвращением качая головой. – Вот мразь.

– Что ты будешь с этим делать? – спрашивает меня Марни.

– А что я могу? Он бог танцевального мира, – морщусь я. – А я никто.

Марни смотрит на меня с сочувствием. Она понимает, что я права.

В Серене же просыпается боевой настрой.

– Глупости! Нельзя спускать ему это с рук.

– И что мне делать? – спрашиваю я. – Подать иск в Верховный балетный суд? Не то чтобы в нашей сфере были какие-то высшие инстанции.

– Ну, ты знаешь эти противные зеленые коктейли, которые он держит в холодильнике? – говорит Серена. – По крайней мере, можно подсыпать в них немного слабительного.

Судя по безудержному хихиканью, она явно перебрала.

Ее беспомощный смех заставляет прыснуть и нас с Марни. Вскоре от смеха у нас начинают течь слезы.

– Немедленно прекрати! – говорит Марни. – Из-за тебя нас выгонят из клуба.

– Вот уж нет, – отвечает Серена. – У нас с барменом все

на мази.

Она пытается скрестить указательный и средний палец, но настолько не контролирует свои движения, что получается только знак мира, отчего мы с Марни покатываемся еще сильнее.

– Лучше уж я отвезу тебя домой, дурында, – говорит ей Марни.

Они с Сереной вместе снимают квартиру на Магнолия-авеню, всего в пятнадцати минутах езды отсюда.

– Поедешь на такси с нами? – спрашивает меня девушка.

– Мне в другую сторону. Я оставила джип у студии.

– Тебе нельзя идти одной, – говорит Серена, пытаясь собраться и стать серьезной.

– Это всего пара кварталов, – уверяю я ее.

Я выпила только один коктейль, так что думаю, что вполне способна дойти обратно до студии балета.

Мы прощаемся у выхода – Марни остается следить за Сереной, пока они ждут такси, а я направляюсь вниз по Роско-стрит.

Несмотря на позднее время, Чикаго не спит, как и положено большому городу. По дорогам ездят автомобили, а улицы залиты светом высоких старомодных фонарей. Мимо меня проносится на скейтборде пара мальчишек, крича что-то, что я не могу разобрать.

Однако, когда я сворачиваю на Гринвью, людей становится меньше. Прохладно. Я обхватываю себя руками и иду

быстрее, сумочка бьется о бедра. Ремень перекинут наискосок, так что схватить ее не удастся. Возможно, стоит достать ключи – на брелоке у меня на всякий случай болтается небольшой перцовый баллончик. Ему, правда, уже лет шесть, так что как знать, работает ли он вообще.

Не знаю, откуда вдруг взялась вся эта паранойя. Кожу покалывает и тянет, а сердце бьется чаще, чем того заслуживает быстрая ходьба.

Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне слышатся за спиной шаги. Довольно быстрые, словно человек пытается от меня не отставать.

Остановившись на углу улиц Гринвью и Хендерсон, я слегка оборачиваюсь.

В сотне ярдов¹¹ от меня определенно идет мужчина. На нем толстовка, капюшон опущен на лицо, а руки спрятаны в карманы. Он наклонил голову, так что я не могу рассмотреть его лица.

Наверняка он, как и я, просто торопится домой. Тем не менее я перехожу дорогу и ускоряюсь. Я больше не собираюсь оглядываться и проверять, преследуют ли меня. Мне хочется сорваться и побежать.

Впереди уже виднеется студия балета и мой припаркованный перед ней белый джип. Парковка уже опустела – все давно разъехались по домам.

Я опускаю руку в сумочку, пытаюсь нащупать на ходу ключи.

¹¹ Примерно 91 м.

чи. Хочу держать их наготове, когда подойду к машине. Телефон, гигиеническая помада, монетка... и никаких ключей. Какого черта? Это не такая уж большая сумочка...

Студия закрыта, свет не горит.

Я знаю пароль от двери. Все танцоры знают его, так как мы можем приходить практиковаться в любое время.

На полпути к студии я срываюсь на бег. Я несусь к «Лэйк-Сити», шаги грохотом отдаются на пустынной улице, и я уже не понимаю, чьи они – мои или мнимого преследователя.

Добравшись до двери, я лихорадочно пытаюсь набрать код: 1905. Год, когда Анна Павлова впервые исполнила «Умиряющего лебедя». Джексон слегка одержим¹².

Я долго вожусь с кнопками, дважды неверно набирая код, пока, наконец, не раздастся щелчок. Я тяну дверь на себя.

Захлопнув ее за спиной, оборачиваюсь и прижимаюсь лбом ко стеклу, вглядываясь в темноту. Сердце бешено колотится, потные ладони вцепились в ручку. Я ожидаю увидеть какого-нибудь маньяка, бросающегося на меня, размахивая ножом.

Вместо этого... я не вижу ничего.

На улице никого нет. Меня никто не преследовал. Парень в толстовке, вероятно, свернул на другую улицу, даже не заметив меня.

¹² На самом деле «Лебедь» (впоследствии «Умиряющий лебедь») был поставлен М. Фокиным в 1907 г. и впервые представлен в зале Дворянского собрания Санкт-Петербурга 22.12.1907 (4.01.1908 по новому стилю).

Я такая идиотка. Не знаю, хорошо это или плохо, но у меня всегда было богатое воображение. В детстве мне снились самые безумные кошмары, в реальности которых я была абсолютно уверена, каким бы невероятным ни казалось превращение моей сестры в тигра или появление у нас в холодильнике дюжины отрубленных голов.

Я опускаюсь на пол, вновь обшаривая сумочку в поисках ключей. А вот и они – в маленьком боковом кармашке, как и всегда. Паника совершенно затмила мой разум.

На всякий случай проверяю и свой телефон. От родителей ни пропущенных, ни сообщений, хоть уже и за полночь.

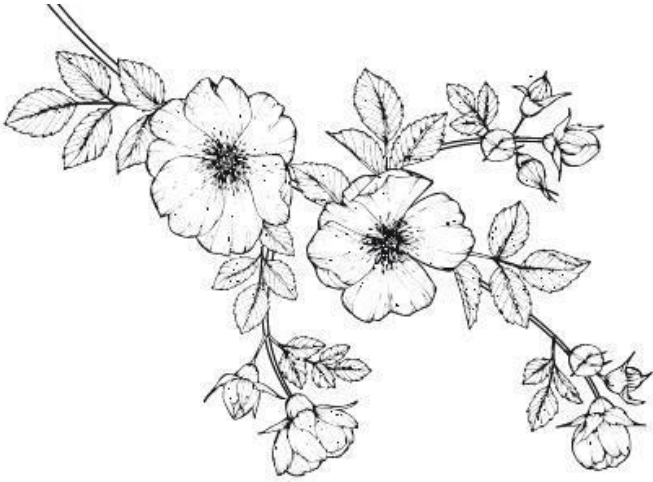
Странно. Обычно они опекают меня даже чересчур. А еще они много работают, так что, похоже, даже не заметили моего отсутствия.

Ну что ж. Сейчас я в студии и совершенно не чувствую себя усталой после тех десяти тысяч вольт адреналина, что пробежали по моим венам. Можно немного попрактиковаться.

Так что я поднимаюсь в свой любимый зал, самый маленький в студии. Пол там такой пружинистый, словно танцуешь на батуте.

Я снимаю джинсы и свитер, оставаясь в одном трико. Затем подключаю телефон к проигрывателю и нахожу свой любимый плей-лист. Он начинается с Someone You Loved Люиса Капальди. С мелодичным фортепианным вступлением я подхожу к станку.

Мико

Я стою на краю парковки, вне зоны видимости, и посмеиваюсь про себя.

Малышку Нессу Гриффин так легко напугать.

Смотреть, как она бежит к студии, было невероятно. Я почти ощутил это удовольствие на вкус. Я мог схватить ее, если бы захотел. Но сегодня ночью я не планировал этого.

Было бы слишком легко отследить ее путь. Несса покинула мой клуб, и это неизбежно указывало бы на меня.

Когда я захочу, чтобы юная Гриффин исчезла, найти ее

будет не проще, чем каплю в океане. Не останется ни единой зацепки, ни единой подсказки, где искать. Я жду, не выйдет ли девушка обратно, чтобы сесть в машину, но она остается в студии. Спустя минуту на втором этаже загорается свет, и Несса входит в крошечный репетиционный зал.

Я вижу ее идеально. Девушка даже не догадывается, что с улицы она видна как на ладони посреди освещенной комнаты. Можно рассмотреть все до последней детали, словно на диораме.

Я смотрю, как Несса снимает свитер и джинсы, оставаясь в одном лишь обтягивающем трико. Бледно-розовом, таком прозрачном и облегающем, что видно очертания ее груди, ребер и пупка и изгиб ее ягодиц, когда девушка поворачивается.

Не знал, что она танцовщица. Стоило догадаться – они с подружками выглядят соответствующе. Несса худая. Слишком худая, с длинными ногами и руками. У нее есть и небольшие мускулы – на округлостях икр, на плечах и спине. Шея длинная и тонкая, словно стебель.

Девушка распускает волосы, и те рассыпаются по плечам. Затем она скручивает их в узел на макушке и проверяет, что прическа держится. Не заморачиваясь с обувью, Несса бо-сиком подходит к деревянной перекладине, расположенной вдоль зеркала, и встает в позицию. Она поворачивается лицом к зеркалу и спиной ко мне. Теперь я вижу две Нессы – настоящую и ее отражение.

Я смотрю, как она разминается – тянется и наклоняется – такая гибкая и пластичная, словно ее суставы вовсе не крепятся к телу или сделаны из резины.

Жаль, я не слышу, какая играет музыка. Классическая или современная? Быстрая или медленная?

Размявшись, девушка начинает кружиться. Я не знаю названий ни одного танцевального движения, кроме, может быть, пируэта. Я даже не знаю, насколько она хороша.

Но знаю точно, что прекрасна. Несса выглядит легкой и невесомой, словно листок на ветру.

Я смотрю на нее в благоговении. Как охотник смотрит на выходящую на поляну лань. Несса – лань. Она очаровательна. Невинна. Она идеально вписывается в окружающую ее обстановку.

Я посылаю стрелу прямо ей в сердце.

Таково мое право охотника.

Около часа я наблюдаю, как она без устали кружит.

Несса продолжает танцевать, когда я разворачиваюсь и возвращаюсь в клуб. Возможно, она пробудет там всю ночь. Я буду знать, потому что трекер лежит в ее сумочке.

Я слежу за Нессой Гриффин всю неделю. Иногда она ведет машину. Иногда идет пешком. Иногда сидит за столиком в любимом ресторане.

Она никогда меня не замечает. И с той ночи больше ни разу не почувствовала слезки.

Я знаю, где она учится и куда ходит за покупками.

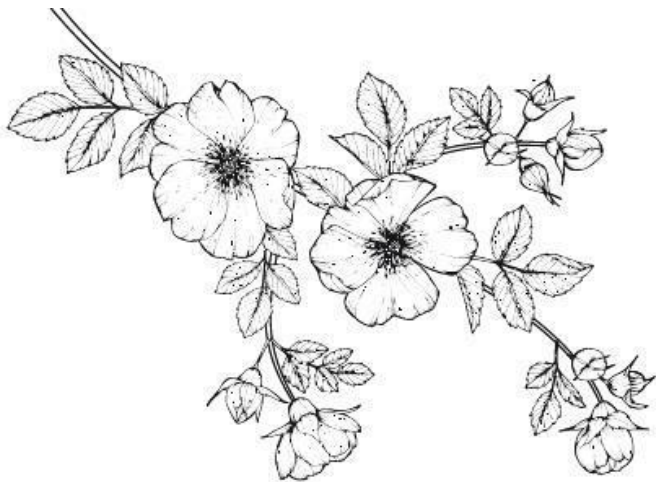
Знаю, где она живет, хотя и так уже был более чем знаком с особняком Гриффинов на берегу озера.

Я даже знаю, что иногда она навещает свою невестку. Мне приятно знать, что они близки. Я хочу покарать Гриффинов и Галло. Хочу настроить их друг против друга. Это не работает, если пропажа Нессы Гриффин заденет только одну семью.

Спустя неделю я практически уверен, что Несса Гриффин идеально вписывается в мой план.

А значит, настало время делать свой ход.

Несса

Я скучаю по брату. Я рада, что он так счастлив с Аидой, и понимаю, что пришла пора ему обзавестись собственным домом. Но без него в особняке так пусто, особенно за столом.

Как минимум, его присутствие сдерживало Риону.

Когда я спускаюсь к завтраку, она сидит за столом, разложив свои папки и бумаги по всей поверхности так, что мне достается лишь малюсенький уголок, чтобы поставить тарелку.

– Над чем работаешь? – спрашиваю я, подцепляя кусочек

хрустящего бекона и надкусывая его.

Все блюда нашего повара выглядят так, словно попали к нам напрямик из той рекламы, где на столе идеально расставлены апельсиновый сок, молоко, фрукты, тосты, блины, бекон и сосиски – как будто нормальные люди действительно съедают все это за один присест.

Мы избалованы, и мне прекрасно это известно. Но я не собираюсь жаловаться. Мне нравится, когда для меня готовят. И еще больше мне нравится жить в большом, светлом, современном доме с обширной зеленой территорией и прекрасным видом на озеро.

Единственное, что мне не нравится – это как ворчит моя сестра с утра пораньше.

Она уже надела деловой костюм и собрала волосы в идеально гладкий пучок. Перед Рионой дымится чашка кофе, пока она просматривает свои бумаги, делая пометки цветными карандашами. Когда я обращаюсь к ней, сестра откладывает красный карандаш и раздраженно переводит на меня взгляд.

– Что? – недовольно спрашивает она.

– Я только спросила, над чем ты работаешь.

– Сейчас я ни над чем не работаю. Потому что ты меня отвлекаешь.

– Прости, – я слегка вздрагиваю от такой резкой реакции. – Но все-таки, что это?

Риона вздыхает и смотрит на меня с выражением, в кото-

ром читается «ты все равно не поймешь ни слова из того, что я скажу». Я же пытаюсь сделать умное лицо.

Если бы моя сестра хоть иногда улыбалась, она была бы настоящей красавицей. У нее белая мраморная кожа, прекрасные зеленые глаза и губы, накрашенные под цвет ее каштаново-рыжих волос. К сожалению, при всем этом ей достался характер питбуля. И вовсе не миленького питбуля, а такого, которого натренировали при любой схватке сразу вгрызаться в глотку.

– Ты в курсе, что мы владеем инвестиционной компанией? – спрашивает Риона.

– Да.

Нет.

– Одним из способов прогнозирования тенденций на публичных торгах является использование данных о геолокации, полученных из приложений для смартфонов. Мы покупаем данные оптом, затем анализируем их с помощью алгоритмов. Однако, в соответствии с новыми законами о конфиденциальности и безопасности, некоторые из наших прошлых покупок данных тщательно проверяются. Поэтому я поддерживаю связь с Комиссией по ценным бумагам и биржам, чтобы убедиться...

Она прерывается, заметив на моем лице выражение полного непонимания.

– Не важно, – говорит сестра, снова хватаясь за карандаш.

– Нет, это звучит действительно... Я имею в виду, это

очень важно, так что здорово, что ты...

Я запинаясь, как последняя идиотка.

– Все нормально, – прерывает меня Риона. – Тебе и не нужно в это вникать. Это моя работа.

Хотя она и не произносит этого прямо, но в ее словах явно слышится, что для меня нет места в империи Гриффинов.

– Что ж, рада поболтать, – говорю я.

Риона не отвечает. Она уже снова погрузилась в работу.

Я беру еще один кусочек поджаренного бекона на дорожку.

Когда я надеваю сумку, на кухню заходит моя мать. Ее светлое каре причесано так гладко, что выглядит практически как парик, хотя я знаю, что это не так. На ней костюм от Chanel, бриллиантовое кольцо моей бабушки и часы Patek Philippe, которые мой отец подарил ей на прошлый день рождения. Все это означает, что она либо идет на заседание благотворительного совета, либо сопровождает папу на какой-нибудь деловой обед.

Отец идет следом, одетый в идеально сшитый костюм-тройку. Очки в роговой оправе придают ему солидный вид. Его седеющие волосы все еще густые и волнистые, и он выглядит красивым и подтянутым. Мои родители поженились молодыми, и им до сих пор не дашь пятидесяти, хотя именно к своему юбилею мама и получила в подарок эти часы.

Мама целует воздух вокруг меня, стараясь не смазать по-

маду.

– На учебу? – спрашивает она.

– Да. Статистика, потом русская литература.

– Не забудь, что вечером мы ужинаем с Фостерами.

Я сдерживаю тоскливый вздох. У Фостеров дочери-близняшки моего возраста, и они обе абсолютно ужасны.

– Мне обязательно идти? – спрашиваю я.

– Конечно, – отвечает отец. – Разве ты не хочешь повидаться с Эммой и Оливией?

– Хочу.

Нет.

– Тогда постарайся быть дома к шести, – говорит мама.

Я тащусь к машине, думая, что могло бы порадовать меня сегодня. Статистика? Нет. Ужин? Определенно, нет. Эх, я скучаю по временам, когда ездила в университет с Аидой. Этим летом она завершила свои последние курсы, а мне осталось учиться еще три года. Пока что я даже не определилась с профилем, изучая понемногу и бизнес, и психологию. Это все достаточно интересно, но не будоражит меня по-настоящему.

Правда в том, что я хочу заниматься искусством. Создавать те танцы было восхитительно, я обожала этот процесс. Мне казалось, они хороши! А потом Джексон взял все мои надежды и смял их, словно вчерашние газеты.

Возможно, он прав. Как я могу творить, когда почти не знаю настоящей жизни? Меня холили и лелеяли, сколько я

себя помню. Искусство рождается в страданиях, ну, или, по меньшей мере, в приключениях. Джеку Лондону пришлось отправиться на Клондайк и потерять там из-за цинги все передние зубы, прежде чем он написал «Зов предков».

Вместо того чтобы отправиться на Клондайк, я подъезжаю к Университету Лойолы, к симпатичному кампусу, выстроенному из красного кирпича и расположенному у самой воды. Паркую свой джип и отправляюсь на занятия. Слушаю статистику, которая столь же увлекательна, как и юридические заморочки Рионы, а затем русскую литературу, которая чуть более интересна, потому что сейчас мы проходим «Доктора Живаго». Мы с мамой смотрели экранизацию уже раз девять и обе влюблены в Омара Шарифа¹³.

Это помогает мне лучше понимать происходящее, чем когда мы изучали «Отцов и детей». Возможно, я даже впервые за семестр получу «отлично».

После большой перемены я слушаю еще одну лекцию, по поведенческой психологии, и затем я, наконец, свободна. По крайней мере, до ужина.

Я возвращаюсь к джипу и отъезжаю, раздумывая над тем, успею ли заскочить на разминку в студию, прежде чем вернуться домой и приму душ. Я была бы не прочь задержаться. Все что угодно, лишь бы провести как можно меньше вре-

¹³ Омар Шариф (*англ.* Omar Sharif) – египетский актер, известный своими работами в американском и европейском кино. Исполнитель роли Юрия Живаго в британской экранизации 1965 года.

мени с Фостерами...

Едва я выезжаю на главную дорогу, как мой руль начинает вибрировать и дрожать. Двигатель издает ужасный скрежещущий звук, а из-под капота валит дым.

Как можно скорее я съезжаю на обочину и паркуюсь.

Я выключаю двигатель, надеясь, что машина сейчас не вспыхнет пламенем. Ей всего три года, и я получила автомобиль напрямиком из салона, так что до сих пор ничего серьезнее сдувшейся шины с ним не случилось.

Я ищу телефон, думая, кому лучше позвонить – брату, кому-то из домашней прислуги или в службу спасения.

Но прежде чем я успеваю кого-то набрать, позади меня останавливается черный «Лендровер». Открывается водительская дверь, и из машины выходит крепкий мужчина с темными волосами и щетиной. Несмотря на довольно устрашающий вид, он дружелюбно спрашивает:

– Что-то с двигателем?

– Не знаю, – отвечаю я, открывая дверь и тоже выходя из машины. – Я ничего не смыслю в автомобилях. Как раз собиралась кому-нибудь позвонить.

– Дайте-ка посмотрю, – говорит он. – Возможно, я сэкономлю вам на эвакуаторе, если это легко исправить.

Я хочу сказать ему, что беспокоиться не стоит. Дым и запах стоят такие, что вряд ли мой автомобиль сам куда-то уедет. Нет никакого резона марать руки. Но мужчина уже осторожно открывает капот, стараясь не обжечь пальцы о пе-

регретый металл.

Он откидывается назад, чтобы дым не бил прямо ему в лицо, и, дождавшись, когда тот стихнет, всматривается в двигатель.

– О, вот в чем проблема, – говорит он. – У вас заглох двигатель. Вот, смотрите.

Я не имею ни малейшего понятия, на что надо смотреть, но послушно подхожу и заглядываю внутрь, словно собираюсь внезапно познать основы механики.

– Видите? – он вытаскивает щуп, чтобы показать мне. Это я во всяком случае знаю, потому что видела, как Джек Дюпон менял масло на всех машинах в нашем гараже.

– Как могло закончиться масло? – спрашиваю я.

Всем техническим обслуживанием занимается Джек. Расходуется ли масло, если слишком много ездить по городу?

– Похоже, кто-то его слил, – говорит мужчина. – Досуха.

– Это вроде розыгрыша? – в непонимании спрашиваю я.

– Скорее уловки, – отвечает он.

Это странный ответ.

Я понимаю, что стою совсем рядом с незнакомцем, который появился в тот самый момент, когда моя машина сломалась. Словно он ехал прямо за мной, только и ожидая, когда это произойдет...

Я чувствую острый укол в руку.

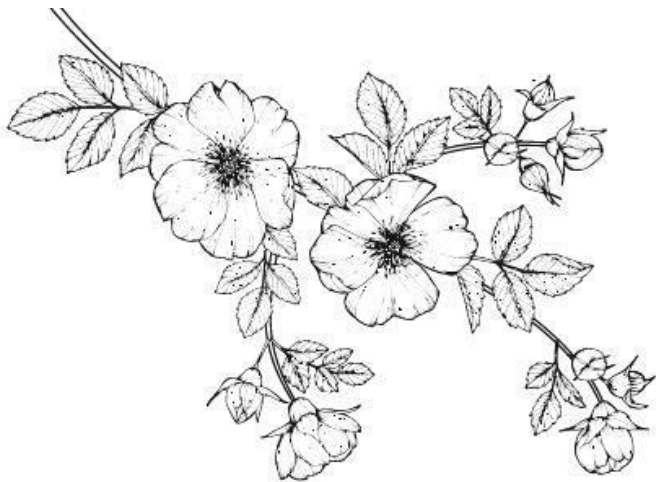
Опустив взгляд, я вижу шприц, торчащий из моего тела. Его поршень вдавлен до упора. Затем я смотрю в глаза муж-

чины, такие темные, что кажутся почти черными – не различить, где кончается зрачок и начинается радужная оболочка. Он выжидающе смотрит на меня.

– Почему вы делаете это? – слышу я свой голос.

Звук проносящихся мимо машин становится глухим и замедленным. Глаза незнакомца – темными точками на размытом фоне. Кости в моем теле растворяются. Я размягчаюсь и заваливаюсь набок. Я бы упала прямо на дорогу, если бы не крепкая хватка мужчины, обнимающего меня за плечи.

Мико

Полгода назад анонимно через посредников я приобрел один из самых больших чикагских особняков «позолоченного века»¹⁴. Он расположен на севере города и скрыт от любопытных глаз густым лесом. Стоя посреди толстых стволов

¹⁴ Gilded Age (англ.) – эпоха, пришедшаяся в США на последнюю четверть XIX века. Характеризуется быстрым ростом экономики и расцветом монополий. Ироничное название, отсылающее к «золотому веку», происходит из одноименной книги М. Твена и Ч. Уорнера. В быту и культуре проявляется стремление к роскоши, в архитектуре это выражается строительством частных особняков, воспроизводящих европейские дворцы классических стилей.

деревьев, сложно представить, что ты находишься в Чикаго, а каменные стены, окружающие участок, так высоки, что в окна едва попадает солнечный свет. Даже окруженный стеной сад полон тенелюбивых растений, которые хорошо переносят тусклый свет и тишину.

Он называется «Дом барона», потому что был построен для пивного барона Карла Шульте в стиле немецкого барокко. Обветренные серые каменные стены, черные кованые решетки, богато украшенные скульптурные рельефы в форме свитков и медальонов и две массивные мужские фигуры, удерживающие на своих плечах портик.

Я купил его, чтобы иметь свое убежище. Место, куда можно пойти, когда хочется побыть в одиночестве.

Теперь я понимаю, что это идеальная тюрьма.

Стоит пройти через кованые ворота, и ты, считай, испарился.

Я хочу, чтобы Несса Гриффин испарилась. Как только Йонас доставит девушку ко мне, никто больше не увидит ее лица. Никаких лазутчиков, никаких свидетелей. Ее семья может разобрать город по кирпичику, но они не найдут ни следа.

Я представляю себе их панику и улыбаюсь впервые за долгое время. У Гриффинов и Галло столько врагов, что им никогда не понять, кто именно похитил Нессу. Конечно, худший враг, которому семьи противостояли совсем недавно, — это «Братерство», но в своей высокомерии они полагают, что

покончили с нами, убив Тимона. Эти прославленные гангстеры не видят дальше своего носа, и я сомневаюсь, что вообще знают мое имя.

Тем лучше. Я вирус, который незримо и незаметно поражает их систему. Они даже не поймут, что случилось, пока не начнут захлебываться кровью.

Я слышу звук подъезжающего автомобиля, и во мне просыпается предвкушение. Я жду этого с нетерпением.

Мои шаги гулко отражаются от голого каменного пола, когда я спешу к входной двери. Спускаюсь по ступенькам и подхожу к «Лендроверу» раньше, чем Йонас успевает выйти из автомобиля.

Он вытаскивает свою тушу с переднего сиденья и выглядит крайне довольным собой.

– Все прошло идеально, – говорит он. – Анджей отвез джип на разборку. Он отключил перед этим GPS, так что отследить его после поломки не удастся. Там он велел все разобрать и смять. Они не найдут даже фары.

– Ее сумочка с собой? – спрашиваю я.

– Вот.

Он наклоняется к переднему сиденью и вытаскивает сумочку. Это простая сумка-портфель, та же, с которой Несса была в клубе. К счастью, только ее девушка и носит, благодаря чему я следил за ней всю неделю. Будь она типичной избалованной светской львицей с десятком дизайнерских сумочек, это доставило бы мне определенные неудобства. Но

точно не остановило бы.

– Выкинул ее телефон в мусорный бак в Норвуде, – говорит Йонас.

– Хорошо, – киваю я. – Давай отнесем нашу гостью наверх.

Йонас открывает заднюю дверь. Несса Гриффин лежит без сознания на сиденье. Ее рука безвольно свешивается, а глаза подергиваются под закрытыми веками. Ей что-то снится.

Йонас берет девушку за ноги, а я поддерживаю голову, и мы заносим ее в дом. Тело Нессы неловко болтается между нами.

Пару секунд спустя я говорю: «Я сам», – и подхватываю ее на руки.

И хоть теперь на меня приходится вся тяжесть, ноша вовсе не тянет. Я легко могу поднять девушку вверх по ступенькам. Ее хрупкость меня даже пугает. Несса такая худая, что сквозь кожу, выпирая, проступают ключицы, тонкие, словно птичьи косточки. Снотворное придало ее коже бледность, сделав почти прозрачной.

В распоряжении гостыи будет все восточное крыло. Комната Йонаса на первом этаже, так же как покои Анджея и Марцеля. Я живу в западном крыле.

Единственный приходящий извне человек – это Клара Гетман, наша домработница. Я не сомневаюсь, что она будет держать язык за зубами. Это кузина Йонаса из Болеславца.

Даже если бы Клара знала английский, она не посмела бы навлечь на себя мой гнев. Я в два счета могу отправить ее обратно в эту дыру. Или закопать.

Я вношу Нессу в ее комнату. Дом продавался со всей мебелью, и здесь стоит старинная кровать из темного дерева с пыльным балдахином малинового цвета. Я кладу девушку поверх покрывала головой на подушку.

Йонас следует за мной. Он стоит в дверном проеме, оценивая взглядом обмякшее, беспомощное тело Нессы. Брат похотливо ухмыляется.

– Помочь тебе ее раздеть?

– Нет, – резко отвечаю я. – Можешь идти.

– Как скажешь. – Йонас разворачивается и неторопливо уходит прочь.

Я жду, пока он скроется, а затем снова смотрю на бледное лицо девушки.

Ее брови сведены вместе, что придает ей жалобный вид, даже с закрытыми глазами. Ее брови намного темнее волос, они словно нарисованы углем.

Я снимаю с Нессы кеды и бросаю их на пол у кровати. Под ними на ней надеты маленькие носочки, такие, которые прикрывают только половину ступни, чтобы не торчать из-под обуви. Я снимаю носки, открывая взгляду маленькие худенькие ступни, убитые в хлам. На них синяки, волдыри и мозоли, а на нескольких пальцах ног красуются пластыри. При этом ногти покрашены в розовый цвет в настолько жал-

кой попытке привнести красоту, что меня почти пробивает на смех.

На девушке остаются джинсы и толстовка на молнии.

Снотворного, которое вколол ей Йонас, хватит надолго. Я мог бы раздеть Нессу догола, если бы захотел. Она бы даже ничего не почувствовала. Наверное, это было бы забавно. Девушка проснулась бы, не имея ни малейшего понятия, что с ней произошло.

Мои пальцы задерживаются на ее груди, слегка касаясь молнии на толстовке.

Затем моя рука опускается вдоль тела.

Несса и так будет в ужасе. Нет смысла доводить ее до паники.

Вместо этого я накрываю гостью одеялом.

В спальне уже темнеет. Здесь зарешеченные окна из свинцового стекла, разбить которые почти невозможно. Даже если бы удалось – комната расположена на третьем этаже, и поблизости нет ничего, по чему можно было бы спуститься. А вокруг каменные стены, камеры и датчики движения.

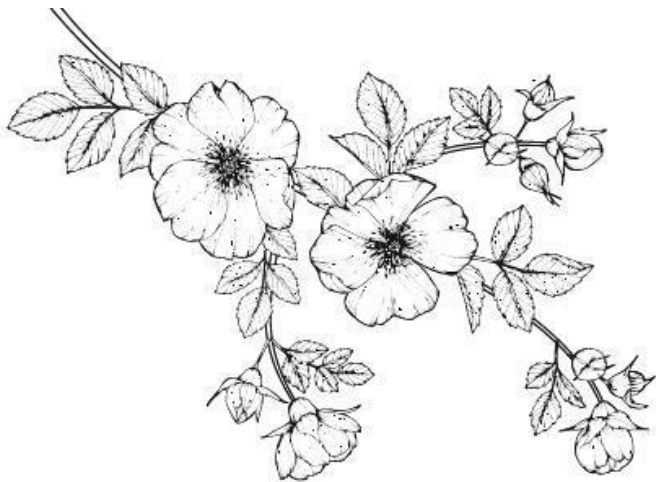
И все же в качестве дополнительной меры я беру с прикроватной тумбочки GPS-браслет, который ждал своего часа, и с щелчком застегиваю его у нее на лодыжке. Браслет тонкий и легкий, но держится не хуже наручников – ударостойкий, водонепроницаемый и открывается с помощью кода, который знаю один лишь я.

Я выхожу из комнаты, запирая снаружи дверь.

Затем опускаю ключ себе в карман.

Никто не войдет туда без моего разрешения.

Несса

Я прихожу в себя в темной комнате на незнакомой кровати.

Первое, что я чувствую – это пыльный запах старины. Пахнет старым деревом. Сухими лепестками роз. Пеплом. Затхлыми шторами.

Моя голова распухшая и тяжелая. Я чувствую себя такой разбитой, что хочется немедленно снова провалиться в сон, но внутренний голос настойчиво твердит, что нужно встать.

Я сажусь, до талии стянув одеяло, и моя голова тут же начинает кружиться. Мне приходится наклониться вперед, прижав ладони к вискам, чтобы хоть немного зафиксировать себя в пространстве.

Когда ко мне возвращается четкое зрение, я оглядываюсь, хлопая глазами и пытаюсь разглядеть очертания комнаты.

На окнах нет занавесок, и тем не менее лунный свет сюда почти не пробивается. Мне едва удастся рассмотреть хоть что-то. Я сижу на кровати с балдахинем в помещении, похожем на огромную спальню. Вдоль стен расставлена массивная мебель, размерами не уступающая небольшому слону, – платяной шкаф, трюмо и нечто, напоминающее изда- лека письменный стол. Еще в стене есть огромный проем, в котором я могла бы поместиться во весь рост, – по всей видимости, камин. Он похож на пещеру. Пещеру, в которой может скрываться что угодно.

Словно искры от костра, в моем мозгу вспыхивают воспо- минания. Руль, дрожащий в моих руках. Солнце, скользящее по мне, когда я выхожу из машины. Темноволосый мужчина с чувством на лице и холодом в глазах.

Мое сердце начинает бешено биться. Я в незнакомом до- ме, куда меня привез незнакомый мужчина.

Меня, блин, похитили!

Осознание этого факта не шокирует меня так сильно, как шокировало бы любую другую девушку на моем месте. Я дочь мафиози. Нежась в лучах солнца на лазурных берегах,

я никогда не забываю об акулах, поджидающих меня в море. Опасность скрывается на каждом углу. Она в беседах, которые ведет мой отец в своем кабинете, когда я прохожу мимо. В тревожных складках на лицах моих родителей.

Так что, думаю, я всегда знала, что со мной произойдет что-то подобное. Я никогда не чувствовала себя в полной безопасности, какой бы заботой меня ни окружали.

И все же теория и реальность – это разные вещи. Я больше не под родительским крылом. Я в доме врага. И не знаю, кто он. Но знаю, каков он. Эти люди беспощадны, жестоки и безжалостны. Что бы они со мной ни сделали, добром это не закончится.

И поэтому мне нужно выбираться отсюда.

Прямо сейчас.

Я вылезаю из-под одеяла, намереваясь бежать.

Как только мои ступни касаются пола, понимаю, что я босая. Кто-то снял с меня обувь и носки.

Это не важно. Я могу бежать и босиком, если только пол не усеян осколками стекла.

Однако стоит мне попытаться сделать шаг, как колени подгибаются, и я падаю, выставляя вперед ладони. Моя голова словно воздушный шарик, едва прикрепленный к плечам, а желудок снова и снова описывает мертвую петлю.

К горлу подбирается тошнота, и я сглатываю, глаза полны слез. У меня нет времени ни на плач, ни на рвоту. Мне нужно сбежать.

Я ползу к двери, словно преодолевая расстояние размером с футбольное поле. Сначала по старинному ковру, а затем по голому дереву.

Наконец мне удастся добраться до выхода. Только тогда я понимаю, что, скорее всего, заперта. Но, к моему удивлению, ручка легко поворачивается в моей руке.

Я поднимаюсь, опираясь на ручку, и жду, пока комната перестанет вертеться перед глазами. Затем делаю глубокий и медленный вдох. На этот раз мои колени выдерживают, и я могу продолжать движение на своих двоих. Я выскользываю в длинный темный коридор.

В доме тихо. Нигде не горит свет, нет никаких признаков присутствия других людей. Это место такое старое и жуткое, что кажется, будто в любой момент сквозь стену просочится привидение. Я ощущаю себя героиней ужастика в тот момент, когда она как последняя идиотка бродит вокруг, а зрители закрывают глаза, ожидая, что сейчас что-то случится.

Быть не может, что я здесь одна.

Я не такая дурочка, чтобы поверить, что кто-то затеял все это похищение, только чтобы оставить меня без надзора. Возможно, меня окружают повсюду. Возможно, за мной прямо сейчас следят по камере.

Я не понимаю правил этой игры и к чему она ведет.

Мой похититель играет со мной, как кошка играет с едой, прежде чем съесть ее?

Это не важно. Если единственный вариант – оставаться в

комнате, то я им не воспользуюсь.

Так что я продолжаю идти по коридору, высматривая наиболее перспективные способы побега.

Проходить мимо всех этих пустых дверных проемов очень волнительно.

Это место огромное, явно больше дома моих родителей. Впрочем, ухаживают за ним куда хуже. Ковер в коридоре потертый и местами пузырится, так что мне приходится шаркать ногами, чтобы не споткнуться. Окна покрыты толстым слоем пыли, а картины на стенах висят вкривь и вкось. В темноте трудно разглядеть сюжеты на них, но, кажется, некоторые из них мифологические. Я определенно вижу длинную картину маслом, изображающую запутанный лабиринт, в центре которого притаился Минотавр.

Наконец я подхожу к широкой изогнутой лестнице, ведущей вниз. Но и этажом ниже не горит свет. Боже, как же дезориентирует бродить по этому странному месту впотьмах. Я потеряла всякое ощущение времени и пространства. Каждый звук усиливается во сто крат, и это сбивает с толку еще сильнее. Я не могу понять, кто издает скрипы и стоны, которые доносятся до меня, – человек или сам дом?

Я бегу вниз по лестнице, скользя рукой по перилам. Голова проясняется с каждой минутой. Маловероятно, что сбежать удастся так просто, но вдруг шанс есть? Вдруг мои похитители неверно рассчитали дозировку снотворного и ждут, что я просплю до утра? Вдруг они полные профаны?

Быть может, меня схватили дилетанты или просто какие-то безумцы, не продумавшие свои действия до конца.

Нужно мыслить позитивно. Иначе меня поглотит страх.

Спустившись, я оглядываюсь в поисках выхода, но оказываюсь в лабиринте из комнат. Прежние архитекторы не сильно заботились об открытой планировке. Я брожу по бесчисленным библиотекам, гостиным, бильярдным и бог весть еще каким залам. Несколько раз я натываюсь на журнальный столик или спинку дивана и чуть не опрокидываю торшер, чудом ухватив его за ножку, прежде чем тот успевает упасть.

С каждой минутой мое напряжение нарастает. Что, черт возьми, это за место и почему я здесь?

Наконец я замечаю тот же холодный, бледный свет с улицы, который видела в своем окне. Я бросаюсь в том направлении через стеклянную оранжерею, набитую тропическими растениями. Густая листва свисает с потолка. Горшки стоят так плотно, что мне приходится продирается сквозь листья, словно я уже снаружи.

Мне почти удается пробраться к задней двери, как я слышу голос: «Проснулась, наконец».

Я замираю на полпути.

Передо мной виднеется стеклянная дверь. Возможно, если я побегу, то смогу добраться до нее раньше, чем меня схватят.

Однако я в задней части дома. Даже если дверь не заперта, я всего лишь окажусь во внутреннем дворе.

Так что мне остается лишь медленно повернуться лицом к своему похитителю.

Я так ошеломлена и напугана, что почти ожидаю увидеть клыки и когти. Настоящего монстра.

Вместо этого я вижу мужчину, сидящего на скамье. Он худой, бледный, одетый в повседневный наряд. Его зачесанные назад волосы такие светлые, что кажутся почти белыми. Освещение еще больше подчеркивает его резкие черты лица – высокие скулы, острый, как бритва, подбородок, темные тени под глазами. Под черной футболкой я вижу продолжение татуировок – рукавов, которые поднимаются от запястий обеих рук к его шее. Его сверкающие глаза похожи на два осколка разбитого стекла.

Я узнаю его сразу.

Это парень из ночного клуба. Тот, что не сводил с меня глаз.

– Кто ты? – требовательно спрашиваю я.

– А ты как думаешь? – отвечает он.

– Не имею ни малейшего понятия.

Мужчина вздыхает и встает со скамьи. Я автоматически делаю шаг назад.

Он выше, чем я думала. Несмотря на худобу, у парня широкие плечи, и он двигается с хорошо знакомой мне легкостью. С легкостью человека, контролирующего свое тело. Человека, действующего быстро и без раздумий.

– Я разочарован, Несса, – говорит он низким и чистым

голосом, очень отчетливо произнося слова. Мне слышится акцент, происхождение которого я не могу понять. – Я знал, что тебя оберегают. Но не думал, что ты так глупа.

Эти оскорбления ранят меня словно удары хлыста. Возможно, дело в выражении его лица и в том, как презрительно кривятся его губы. А может, дело в том, что страх уже довел меня до предела.

Я редко показываю характер. Вообще-то, я скорее тряпка. Но теперь мой мозг решает, что настало время дать отпор. Ровно в тот момент, когда за это могут убить.

– Прости, – зло отвечаю я. – Я не соответствую твоим ожиданиям как заложница? Прошу, просвети меня, насколько проникательным нужно быть, когда кто-то накачивает тебя снотворным и оставляет посреди какого-то жуткого особняка с привидениями.

Стоит словам слететь с языка, как мне немедленно хочется взять их назад. Потому что мужчина делает еще один шаг по направлению ко мне. Его глаза жестокие и холодные, плечи напряглись от гнева.

– Что ж, – приглушенно шипит он, – по меньшей мере не стоит злить своего похитителя.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Я делаю еще один шаг назад, пока не прижимаюсь спиной к холодному стеклу двери. Моя рука пытается нащупать ручку.

– Да ладно тебе, Несса, – говорит блондин, сверля меня глазами и подходя ближе. – Не можешь же ты быть настолько

не в курсе дел своей семьи?

Этот парень знает мое имя. Он послал мужчину с темными волосами, чтобы меня похитить, а значит, тот работает на него как солдат¹⁵. И этот легкий акцент в его речи... Едва уловимый и необычный – я не могу его узнать. Не французский, и не немецкий. Возможно, восточноевропейский. И его внешность – высокие скулы, светлая кожа и волосы. Русский? Нет...

Четыре месяца назад моя семья противостояла польскому гангстеру. Кому-то по имени Мясник. Никто, разумеется, не посвящал меня в разборки. Аида потом как-то вскользь упомянула об этом. Ее старший брат убил бандита. И на этом история закончилась.

Или мне так казалось.

– Ты работаешь на Мясника, – говорю я, но это больше похоже на писк.

Теперь мужчина возвышается прямо надо мной, и я практически ощущаю жар, исходящий от его тела. Волны отвращения изливаются из него, когда он смотрит на меня сверху вниз своими яростными глазами.

Этот человек ненавидит меня. Ненавидит так, как никто и никогда в моей жизни. Кажется, он бы с радостью содрал плоть с моих костей своими ногтями.

– Его звали Тимон Заяц, – чеканит блондин, отрезая каж-

¹⁵ Soldier (*англ.*) – в иерархии преступных организаций младший член «семьи», исполняющий приказы.

дое слово. – Он был моим отцом. И вы убили его.

Он имеет в виду, что моя семья убила его.

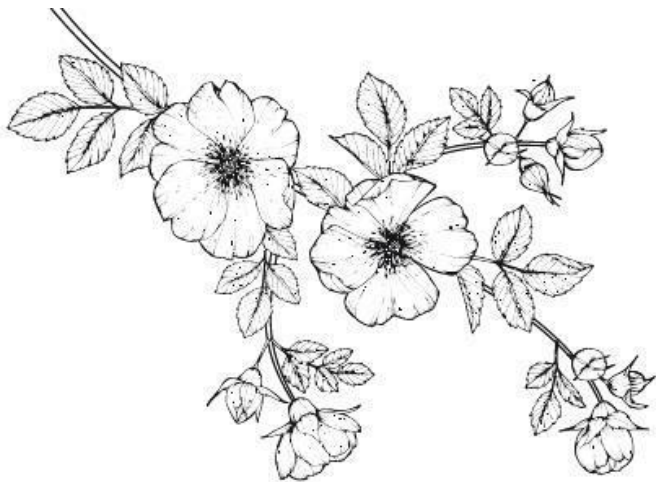
Но в нашем мире грехи семьи ложатся на плечи всех, в чьих венах течет кровь преступников.

Наконец мне удастся нащупать дверную ручку. Я пытаюсь повернуть ее за спиной.

Но кусок твердого металла остается неподвижным.

Я заперта с этим чудовищем.

Мико

Несса в ужасе. Она так дрожит, что зуб на зуб не попадает от страха. Девушка судорожно пытается нащупать дверную ручку позади себя, и когда ей это, наконец, удастся, хочет открыть дверь и выбежать в сад. Но та заперта. Юной Гриффин некуда деться, разве что пробить собой стекло.

Я вижу, как пульсирует под тонкой нежной кожей жилка на ее шее. Я почти ощущаю вкус адреналина в ее дыхании. Ее страх словно сахар – делает этот миг еще более сладким. Мне кажется, Несса вот-вот расплачется. Этой девушке

определенно недостает силы духа. Она слабая, как младенец. Избалованная принцесса американской знати. Сейчас она начнет умолять меня о пощаде. И я запомню каждую мольбу, чтобы передать ее семье, прежде чем я расправлюсь с ними.

Но вместо этого девушка делает глубокий вдох и расправляет плечи. Несса закрывает на секунду глаза, и ее губы приоткрываются, когда она медленно выдыхает. Затем большие зеленые глаза открываются снова и смотрят прямо на меня. Широко распахнутые, испуганные, но полные решимости.

– Я не убивала твоего отца, – говорит девушка. – Впрочем, я знаю, как думают люди, подобные тебе, так что мне нет смысла спорить. Но и удовольствия смотреть на то, как я молю и унижаюсь, я тебе тоже не доставлю. Так что делай, что должен.

Несса поднимает подбородок, ее щеки пунцовеют.

Она считает себя храброй.

Думает, что сможет выстоять, если я захочу ее пытать. Если захочу сломать ее кости одну за одной.

Я заставлял взрослых мужчин звать к матери. Могу только представить, что я мог бы заставить ее делать со временем.

Разумеется, стоит мне поднять правую руку, как она отшатывается, ожидая удара по лицу.

Но я не собираюсь делать ей больно. Пока.

Вместо этого прикасаюсь к ее бархатной розовой щеке,

покрытой веснушками, и собираю всю волю в кулак, чтобы не впиться пальцами в нежную плоть.

Я провожу большим пальцем по губам, ощущая, как они дрожат.

– Если бы это было так просто, моя милая балерина, – говорю я.

Глаза девушки расширяются, дрожь пробегает по ее телу. Нессу пугает то, как много я о ней знаю. Знаю, чем она занимается и что любит.

Маленькая принцесса даже не догадывается, как легко считываются ее эмоции. Ей никогда не приходилось возводить стены, чтобы обезопасить себя. Девушка столь же уязвима, как клумба с тюльпанами. Я собираюсь пройти по ее саду, срывая цветы один за другим.

– Ты здесь не для того, чтобы умереть быстрой смертью, – продолжаю я. – Ты будешь страдать медленно и долго. Ты станешь лезвием, которым я буду резать твою семью снова, снова и снова. И только когда они станут слабыми, отчаявшимися и жалкими, только тогда я позволю им умереть. И ты сможешь наблюдать за этим, моя маленькая балерина. Потому что это трагедия, – а принцесса-лебедь погибает лишь в последнем акте.

Ее глаза наполняются слезами, которые стекают вниз по щекам. Ее губы дрожат от отвращения.

Несса смотрит на меня и видит монстра из своих кошмаров.

И она абсолютно права.

Работая на Зайца, я совершал немыслимые поступки. Я шантажировал, похищал, избивал, пытал и убивал людей. И делал это все без угрызений совести, без раскаяния.

Все хорошее во мне умерло десять лет назад. Последнее, что оставалось от того польского мальчишки, было связано с Зайцем, моей единственной семьей. Но теперь его не стало, а с ним не стало и моей человечности. Я не чувствую ничего, кроме жажды. Жажды денег. Власти. И, прежде всего, мести.

Нет добра и зла, правильного и неправильного. Есть только мои цели и то, что стоит между нами.

Несса медленно качает головой, отчего ее слезы катятся лишь быстрее.

– Я не собираюсь помогать тебе вредить людям, которые мне дороги, – говорит она. – Что бы ты со мной ни делал.

– У тебя не будет выбора, – отвечаю я, приподнимая уголки губ. – Я же сказал тебе. Это трагедия – твоя судьба уже предрешена.

Ее тело напрягается, и на мгновение я вижу, как в широко распахнутых глазах вспыхивает искра бунтарства. Возможно, Нессе даже хватит духу попытаться меня ударить.

Но она не настолько глупа.

Вместо этого девушка говорит:

– Это не судьба. Ты просто плохой человек, возомнивший себя богом.

Несса отпускает ручку и распрямляется, что делает нас

еще ближе.

– Ты не больше моего знаешь, какой будет эта история, – продолжает она.

Я мог бы задушить ее прямо сейчас. Это погасило бы вызов в ее глазах. Доказало бы ей, что, какой бы ни была эта история, счастливый конец в ней не предвидится.

Но тогда я лишил бы себя удовольствия, которое предвкушал все эти месяцы.

Так что вместо этого я говорю:

– Если ты так хочешь писать этот сценарий, подскажи мне, кого я должен убить в первую очередь? Твою мать? Твоего отца? Как насчет Аиды Галло? В конце концов, именно ее брат застрелил Тимона...

С каждым именем, которое я называю, ее тело содрогается, словно от удара. И, кажется, я знаю, что заденет ее больше всего...

– А как насчет нового олдермена? – говорю я. – Вот с кого все началось – с твоего старшего брата Кэллама. Он считал себя выше нас. Теперь у него есть славный офис в мэрии. Его всегда можно там найти. Или я могу просто явиться в его квартиру на Эри-стрит...

– Нет! – выкрикивает Несса.

Боже, это было слишком просто. Никакого веселья.

– Вот какие будут правила, – говорю я ей. – Если ты попытаешься сбежать, я накажу тебя. Если попытаешься что-то с собой сделать, я накажу тебя. Если будешь перечить мо-

им приказам... ну, ты уловила. А теперь прекрати скулить и иди в свою комнату.

Несса выглядит так, словно ее вот-вот стошнит.

Она боролась, когда думала, что на кону стоит только ее жизнь. Но после того, как я назвал ее брата и невестку, на принцессу обрушилась реальность. И вся бравада мигом с нее слетела.

Мне даже немного жаль, что я втянул девушку в эту маленькую игру. Вряд ли она будет сильно сопротивляться.

Разумеется, стоит мне сделать шаг назад и дать ей пройти, как Несса безропотно убегает в направлении своей комнаты. Даже не оставляя за собой последнее слово в жалкой попытке постоять за себя.

Я достаю свой телефон, чтобы получить доступ к камерам, установленным в каждом углу этого дома.

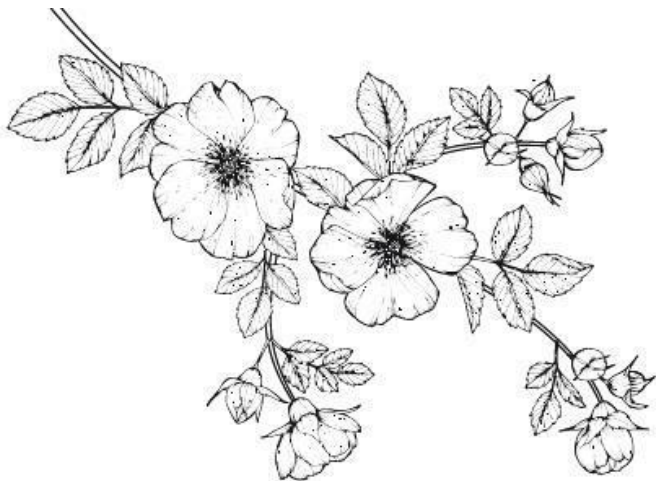
Я смотрю, как она поднимается по лестнице и затем бежит по длинному коридору в гостевую спальню в конце восточного крыла. Она закрывает дверь и бросается на древнюю кровать, рыдая в подушку.

Я снова сажусь на скамью и наблюдаю за тем, как Несса Гриффин плачет. Это продолжается примерно час, а затем она, наконец, снова засыпает.

Я не чувствую ни вины, ни удовольствия, глядя на нее.

Я не чувствую вообще ничего.

Несса

Следующие четыре дня я провожу взаперти в этой комнате.

И хоть поначалу она казалась огромной, вскоре спальня начинает давить на меня со всех сторон.

Дверь открывается, только когда домработница приносит мне еду трижды в день. Это девушка лет тридцати, с темными волосами, миндалевидными глазами и губами бантиком. На ней старомодная форма горничной с толстыми темными колготками, длинной юбкой и фартуком. Она вежливо кива-

ет, когда ставит очередной поднос и уносит предыдущий.

Я пытаюсь разговорить девушку, но, похоже, та не знает английского. Или ей велели не отвечать мне. Пару раз я ловлю на себе ее сочувствующий взгляд, особенно теперь, когда становлюсь все более растрепанной и раздраженной, но я не тешу себя иллюзиями, что она станет мне помогать. С чего бы рисковать работой ради незнакомки?

Я провожу много времени, глядя на улицу из высоких за-решеченных арочных окон. Они не открываются, но, даже если бы могли, подо мною еще три этажа.

Окна вставлены в каменные стены толщиной более фута¹⁶. Я словно заперта в башне замка.

По крайней мере, у меня своя ванная, так что я могу справлять нужду, принимать душ и чистить зубы.

Когда я впервые зашла туда и увидела, как рядом с раковиной выстроились в ряд зубная щетка, зубная нить, щетка для волос и расческа – все совершенно новое и нетронутое, – меня бросило в дрожь. Мое похищение долго и тщательно планировалось. Можно только догадываться, какие еще безумные сценарии вынашивает в своей голове мой тюремщик.

Я до сих пор даже не знаю его имени. Я была в таком ужасе во время нашей встречи, что даже не догадалась спросить.

Про себя я зову его Чудовище. Он не человек, он зверь, монстр – бешеный пес, который потерял своего хозяина и теперь пытается укусить всякого, до кого дотянется.

¹⁶ Примерно 30 см.

Я не притрагиваюсь к еде на подносе.

Поначалу желудок сводило от стресса, и есть не хотелось.

На второй день это стало формой протеста.

Я не собираюсь подыгрывать Чудовищу в его психопатической игре. Я не стану питомцем в запертой комнате. Если он думает, что может неделями или месяцами держать меня здесь, только чтобы убить в конце, лучше уж я умру сейчас от голода, лишь бы помешать его планам.

Впрочем, я продолжаю пить воду из-под крана – мне не хватит духу вынести пытку жаждой. Но я вполне способна долго обходиться без еды. Ограничение калорий и балет идут рука об руку. Я знаю, что такое голод, и привыкла его игнорировать.

От недостатка пищи я чаще устаю, но это ничего. Мне все равно нечем заняться в этой проклятой комнате. Книг здесь нет, и бумаги в письменном столе тоже. Все, что мне остается – это смотреть в окно.

У меня нет станка, но я все равно повторяю *плие, тан-дю, дегаже, рон де жамб партер, франже, адажио* и даже *гран батман*¹⁷. Я не рискую практиковать какие-то серьезные прыжки или комбинации в диагонали, потому что ковры на полу такие древние, что я боюсь споткнуться и растянуть лодыжку.

Остальное время я сижу на подоконнике, глядя на сад за

¹⁷ Pliés, tendus, dégagés, rond de jambe à terre, frappés, adages, grand battement (*фр.*) – названия хореографических движений.

стеной. Он весь зарос – похоже, Чудовище не тратит деньги на садовника. Но там цветут астры, львиный зев и перовския. Пурпурные цветы ярко выделяются на фоне красных листьев. Чем дольше я сижу взаперти, тем отчаяннее мне хочется оказаться там внизу, вдыхать запахи цветов и травы вместо того, чтобы прозябать в этой темной и пыльной комнате.

На четвертый день горничная пытается убедить меня поесть. Она показывает на поднос с томатным супом и бутербродом с беконом, говоря что-то по-польски.

Я качаю головой.

– Нет, спасибо, – говорю я. – Я не голодна.

Я хочу попросить ее принести мне книг, но мое упрямство не позволяет мне обращаться за чем-либо к моим мучителям. Вместо этого я стараюсь припоминать лучшие моменты из моих любимых произведений, особенно из тех, которыми я зачитывалась в детстве. Заросли за стеной напоминают мне о «Таинственном саде», и я думаю о Мэри Леннокс¹⁸. Она была всего лишь ребенком, но обладала железной волей. Эта девочка не прогнулась бы ради тарелки супа, как бы вкусно он ни пах. Она бы швырнула миску в стену.

На пятый день горничная не приносит мне ни завтрака, ни обеда. Вместо этого она входит в мою комнату во второй половине дня, держа в руках чехол с зеленым шелковым

¹⁸ Мэри Леннокс (*англ.* Mary Lennox) – героиня романа Ф. Э. Бёрнетт «Таинственный сад».

платьем. Девушка начинает наполнять горячей водой гигантскую старинную ванну на львиных лапах и жестами велит мне раздеться.

– Ни за что, – говорю я, скрещивая руки на груди.

Каждый раз, приняв душ, я надеваю одну и ту же грязную одежду, отказываясь переодеваться во что-либо из шкафа.

Горничная вздыхает и выходит из комнаты, возвращаясь через пару минут с темноволосым здоровяком.

Я сразу узнаю его. Это тот урод, что притворился, будто хочет починить мою машину, а затем сделал мне укол. Я леденею при мысли о том, как он трогал меня своими большими мясистыми волосатыми руками, пока я была без сознания.

Мне не нравится, как громила расплзается в улыбке при виде меня. Его зубы слишком квадратные и слишком белые. Он похож на куклу чревовещателя.

– Раздевайся, – приказывает мужчина.

– С чего бы? – спрашиваю я.

– Потому что босс так сказал, – рычит он.

Когда кто-то велит мне что-то делать, мне сразу хочется подчиниться. Именно так я привыкла поступать дома и в танцевальной студии. Я слеую указаниям.

Но не здесь. Не с этими людьми.

– В отличие от тебя, я не держу ответа перед твоим боссом, – говорю я.

Горничная посылает мне предостерегающий взгляд. Судя

по тому, какую дистанцию она держит между собой и темноволосым, можно предположить, что девушка от него не в восторге. Ей хочется предупредить меня не связываться с ним, дать понять, что учтивость – не его конек.

Я и сама догадываюсь об этом. Сколь бы неприятен ни был монстр, похитивший меня, он хотя бы производит впечатление неглупого человека. Темноволосый же с этими своими бровями и тяжелым насупленным взглядом выглядит как настоящий неандерталец. Глупые люди не умеют широко мыслить. Они всегда выбирают насилие.

– Вот такая штука, – говорит верзила, недовольно хмуря брови. – Клара здесь, чтобы помочь тебе принять ванну и одеться. Если ты не позволишь ей этого сделать, тогда я лично раздену тебя догола и собственноручно намылю. И я точно не буду столь деликатным, как Клара. Так что сейчас в твоих же интересах быть паинькой.

При мысли об этом гамадриле, атакующем меня с куском мыла, мне становится дурно.

– Хорошо, – резко бросаю я. – Я приму ванну. Но только если ты уйдешь.

– Ты не в том положении, чтобы выдвигать условия, – смеется громила, кивая своей гигантской головой. – Я должен контролировать процесс.

Боже, меня тошнит при взгляде на его самодовольную рожу. Он не увидит, как я сажусь в ванну. Только через мой труп. Что бы сделала Мэри Леннокс?

– Если вы попытаетесь надеть на меня это платье, я изорву его на клочки, – спокойно предупреждаю я.

– У нас куча платьев, – отвечает гамадрил так, словно ему плевать.

Впрочем, я вижу, что он раздосадован. В инструкции верзилы входило заставить меня надеть именно это платье, а не любое.

– Убирайся, и Клара поможет мне одеться, – настаиваю я.

Самодовольное выражение сползает с его лица. Теперь он похож не на обезьяну, а на угрюмого младенца.

– Ладно, – бросает он. – Давай, не рассусоливай.

Оставив за собой последнее слово, мужчина уходит обратно в коридор.

На лице Клары читается облегчение оттого, что я так легко отделалась.

Девушка указывает мне на ванну, которая уже до краев наполнена горячей водой. Для аромата она добавила туда какое-то масло, миндальное или кокосовое.

Что ж, теперь я хотя бы знаю ее имя.

– Клара? – спрашиваю я.

Она кивает.

– Несса, – показываю я на себя.

Девушка снова кивает. Она и так уже это знает.

– Как зовут его? – Я показываю на дверь, за которой только что скрылся гамадрил.

Клара немного колеблется, затем произносит:

– Jonas.

– Йонас кретин, – бормочу я.

Горничная не отвечает, но, кажется, ее губы слегка тронула улыбка. Если она понимает, что я говорю, то явно со мной согласна.

– Что насчет твоего босса? – спрашиваю я. – Как его имя?

Повисает еще более долгая пауза, и я уже не жду ответа.

Но, наконец, Клара шепчет:

– Mikołaj.

Она произносит это, словно имя дьявола. Словно после этого ей хочется перекреститься.

Похоже, его девушка боится гораздо больше, чем Йонаса.

Клара снова показывает на ванну и говорит: «*Wejdz proszę*». Я ни слова не понимаю по-польски, но подозреваю, что это означает «Пожалуйста, садись» или «Пожалуйста, поторопись».

– Хорошо, – отвечаю я.

Я стягиваю с себя довольно неприятного уже вида свитер и джинсы, расстегиваю лифчик и снимаю трусики.

Клара смотрит на мое обнаженное тело. Как и большинство европейцев, она не смущается наготы.

– *Piękna figura*, – говорит девушка.

Figura, по всей видимости, означает «фигура». Надеюсь, *piękna* значит «красивая», а не «нескладная» или «ужасная».

Я всегда любила языки. В детстве родители учили меня

гэльскому¹⁹, а в школе я изучала французский и латынь. К сожалению, польский относится к славянским языкам, так что знакомых слов в нем не много. Интересно, удастся ли мне разговорить Клару, чтобы понять его лучше.

Я знаю, что горничной не положено болтать со мной. Но ей предстоит помочь мне собраться. Так что чем больше я докучаю ей, тем более уступчивой она становится, в надежде, что это сделает меня покладистее. Вскоре я узнаю слова «мыло» (*mydło*)

¹⁹ Гэльский – родной язык ирландцев, один из двух государственных языков Ирландии. Относится к кельтским языкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.